

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой
канд.ист.наук., доцент

 К.А. Анкушева
2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА
«БОРЬБА ЗА РОССИЮ» (1926 – 1933 ГГ.)

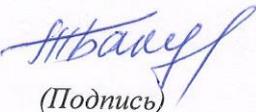
46.04.01 История

Магистерская программа «Отечественная история»

Выполнил работу
Студент 2 курса
очной формы обучения
Руководитель работы
к.и.н., доцент

(Подпись)

Яковлев
Никита
Александрович
Бакулина
Татьяна
Ивановна

(Подпись)

Рецензент
Преподаватель кафедры тактики
(и управления войсками)
Тюменского высшего военно-
инженерного командного
училища, канд. ист. наук

(Подпись)

Сухарев
Анатолий
Анатольевич

Тюмень 2016

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт истории и политических наук
Кафедра отечественной истории

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА
«БОРЬБА ЗА РОССИЮ» (1926 – 1933)

Магистерская диссертация
студента группы 12Им147
Яковлева Никиты Александровича

Научный руководитель –
кандидат исторических наук,
профессор
Бакулина Татьяна Ивановна

Тюмень

2016

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт истории и политических наук
Кафедра отечественной истории

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «БОРЬБА ЗА
РОССИЮ» (1926 – 1933)

Директор института	_____	_____	_____
	<i>Дата</i>	<i>подпись</i>	<i>расшифровка подписи</i>
Заведующий кафедрой	_____	_____	_____
	<i>Дата</i>	<i>подпись</i>	<i>расшифровка подписи</i>
Рецензент	_____	_____	_____
	<i>Дата</i>	<i>подпись</i>	<i>расшифровка подписи</i>
Научный руководитель	_____	_____	_____
	<i>Дата</i>	<i>подпись</i>	<i>расшифровка подписи</i>
Студент	_____	_____	_____
	<i>Дата</i>	<i>подпись</i>	<i>расшифровка подписи</i>

Тюмень

2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4-22
ГЛАВА 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ	22-44
ГЛАВА 2. ОСВЕЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ.....	45-61
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО БЫТА НА СТРАНИЦАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА.....	62-77
ГЛАВА 4. ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «БОРЬБА ЗА РОССИЮ» О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ СССР	78-93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94-101
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	102-112

ВВЕДЕНИЕ

История российских эмигрантов является полноправной частью отечественной истории XX века. Сегодня их политические взгляды и опыт общественной деятельности активно перенимается современными политиками. Расширение знаний о русской эмиграции, их деятельности и культуре является одной из основных задач современной исторической науки в России, т.к. позволять объяснить процессы эмиграции, происходящие в наше время и не допустить оттока интеллигенции из России. В последнее время появляется тенденция к изучению периодической печати русских эмигрантов.

Актуальность написания исследований по эмигрантской периодике не вызывает сомнений, т. к. они обеспечивают, во-первых, непосредственное использование источника, по которому воссоздавалась революционная и постреволюционная история России западными историками. Во-вторых, это позволяет со всех сторон рассмотреть события в нашей стране того времени, отойдя от официальных источников советской историографии, ведь эмигранты могли не только свободно критиковать советское правительство и проводимую ими политику, но и устраивать открытые полемики на страницах своих изданий. В-третьих, изучение эмигрантской прессы обеспечивает полное понимание образа советского государства западными странами. Все события тех лет имеют непосредственную связь с нынешним положением в государстве и будут интересны не только историку, но и обывателю, переживающему за судьбу своего государства.

Научная новизна работы состоит в изучении еженедельника «Борьба за Россию», до этого только изредка упоминавшийся в работах историков; появление новых источников, таких как письма из Советской России, фельетоны, хронологические заметки о СССР и показания очевидцев событий в советском государстве; и появление нового метода работы с периодикой того времени. Этот метод является инновационным, и, если и был известен узкому кругу историков-любителей, то не был описан в официальных научных изданиях. Проблема, с которой связано появление метода состоит в том, что

многие эмигрантские газеты и журналы полностью отсутствуют в архивах и музеях, а комплекты других страдают значительными пробелами. Даже наиболее полновесное их собрание в Библиотеке российских федеральных архивов (на территории ГАРФ) не может в полной мере удовлетворить исследователя. Таким образом, начав читать статью с продолжением, исследователь может не обнаружить номер газеты или журнала с этим продолжением ни в одной из библиотек России¹. Спецификой работы с периодической печатью русских эмигрантов является то, что около 80% изданий находятся в руках частных коллекционеров. Поиск коллекционеров осуществляется в интернет-магазинах или на специальных интернет-аукционах. Цена издания зависит от количества выпусков, эксклюзивности материала и наполненности подшивки, и начинается от 2000 долларов. После приобретения издания начинается процесс сканирования материалов на специальных устройствах. А заключительным этапом является продажа этого издания, чтобы на вырученные деньги приобрести новый источник. Данный процесс является увлекательным и познавательным, требует от исследователя проявления навыков эффективного поиска в интернете, базовой коммерции и коммуникации. Еженедельник «Борьба за Россию» был приобретен парижским коллекционером эмигрантской периодики Федором Сумкиным с моим непосредственным участием, и в последующем был отдан в дар Тургеневской библиотеке.

Еженедельник «Борьба за Россию» является объектом моего исследования. Предметом исследования – образ Советской России на страницах еженедельника.

Здесь нужно отметить, что эмигранты не разделяли понятия СССР и Советская Россия, т.к. для них территория дореволюционной России включала все территории, которые объединились в союз социалистических республик.

¹ Акимова Е.А. Книга русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918-1991: библиог. указатель / Е. А Акимова. – Санкт-Петербург, 1997.

Хронологические рамки охватывают период выпуска еженедельника «Борьба за Россию» с ноября 1926 по апрель 1933 года. Появлению журнала способствовало несколько причин, это и реакция редакторской группы на проводимую большевиками национальную политику; ухудшение отношений СССР с европейскими государствами, прежде всего с Англией; переезд из Праги в Париж С. П. Мельгунова и др. публицистов, их идеологическое объединение и желание создать свой печатный орган; сотрудничество с секретными офицерскими эмигрантскими составами, что позволило наладить поставку журнала в Сов. Россию. Стоит отметить, что к середине 20-х гг. Париж стал одним из центров русской зарубежной литературы и журналистики, сложились благоприятные условия для распространения журнала, находились читатели, ожидающие новые политические вести с Родины, появилось большое количество покупателей периодических изданий.

Заккрытие журнала было следствием финансовой нестабильности еженедельника, деятельности советской контрразведки и общей неудачи политических акций «Борьбы за Россию». Нельзя оставить без внимания возросшие партнерские отношения России и Франции после 1929 года, когда всем базирующимся в Париже эмигрантским изданиям «категорически было предложено умерить нападки на Москву»².

Хронологический период исследования – период, когда уже был возможен начальный анализ политики советского правительства и составления первых представлений о советском государстве, поэтому этот материал бесценен для всех, кто изучает первые годы существования советского государства.

Исследование темы российской эмиграции – новейший период российской историографии. Работы советских историков были политизированы, что придавало им ценность пропагандистскую, но не научную. В советский период можно выделить три направления

² Гессен И.В. Годы изгнания: жизненный отчет / И. В. Гессен. – Париж, 1972.

историографии русской эмиграции, это советское, эмигрантское и западное, имеющие уникальное отношение к эмиграции и оценке её деятельности. С конца 1920-х и в 1930-е гг. главной задачей советских историков стало не объективное изучение исторического процесса, а уничтожение «вражеской идеологии». При этом господствовал упрощенный и односторонний подход к изображению Зарубежной России и её общественно-политической жизни. Эмигранты видели основной задачей обличение советской власти и свержение большевистского режима, западные историки обращали внимание на правовую составляющую эмиграции³.

В 1950 – 1970-е гг. советскими историками были предприняты попытки пересмотреть и обновить подходы к изучению русской эмиграции. Исследования заметно освободились от фальсификаций и штампов, упрощенных схем и оценок, что привело к повышению теоретического и методологического уровня работ. В работах теперь были использованы новые фактические данные на основе спецхрана Центрального государственного архива Октябрьской революции, материалов эмигрантской периодической печати и мемуаров как советских деятелей, так и русской эмиграции. Здесь стоит отметить работы В.В. Комина, Л.К. Шкаренкова⁴, Ю.В. Мухачева, А. Афанасьева, ставшими пионерами в новом подходе изучения эмиграции. Однако продолжали превалировать её негативные оценки, обособленность и оторванность от истинных русских корней, ставшей причиной её краха. Интеллектуальное и культурное богатство, разносторонность феномена эмиграции отрицались, а идейно-политические течения признавались безжизненными. Отечественная историография, как отметил А.В. Квакин, продолжала развиваться в изоляции от зарубежной⁵.

³ Simpson J.H. The refugee Problem. Report of survey by Sir John Hope Simpson. – London, 1939.

⁴ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – Москва, 1981.

⁵ Квакин А.В. Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы / отв. ред. А. В. Квакин, Э. А. Шулепова // Культура Российского Зарубежья. – Москва, 1995.

В советской историографии еженедельник «Борьба за Россию» не упоминался. Оценка деятелей еженедельника советскими историками ограничивалась лишь краткими упоминаниями их имен в тексте. Например, Л.К. Шкваренков в своей монографии так характеризует С.П. Мельгунова: «Буржуазный историк, выступавший против любых приемов «новой тактики» и только за вооруженные методы борьбы с Советской властью», т.е. сложился образ «непримиримости» Мельгунова, образ «слепого борца» с Советской властью. М.М. Федоров и А.В. Карташев – другие деятели еженедельника упоминались как представители Русского национального комитета (РНК), которые активно способствовали разрыву международных отношений между СССР и европейскими странами. В целом преобладала негативная оценка этих деятелей, как буржуазных представителей общества.

Из эмигрантских работ того времени нужно обязательно отметить труд Ковалевского П.Е. «Зарубежная Россия (история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека. 1920 - 1970)», где автор выражал благодарность тем иностранцам, которые участвовали в сохранении и преемственности русской культуры, содержит бесценные энциклопедические сведения о русской эмиграции.

В целом у эмигрантов-современников сложилось впечатление о бездеятельности рассматриваемого печатного органа, еженедельник обвинялся в отсутствии четкой политической программы.

Зарубежные историки также не обошли стороной проблему русской эмиграции, здесь стоит отметить монографию западногерманского историка Ганса Эрика Фолькмана⁶, профессора истории Вашингтонского университета Роберта Вильямса, американских историков Уильяма Розенберга⁷ и Леопольда Хаимсона⁸.

⁶ Volkman H.E. Die russische Emigration in Deutschland, 1919 - 1929. – Würzburg, 1966.

⁷ Rosenberg W.H. Liberals in the Russian revolution. The Constitutional democratic party, 1917 - 1921. – New Jersey, 1974.

⁸ Haimson L.H. The Mensheviks. – Chicago, 1974.

Коренной перелом в изучении русской эмиграции – это конец 1980-х – начало 1990-х, когда начинает преобладать в целом позитивное отношение к эмиграции. Выходят попытки непредвзятого изучения Русского Зарубежья⁹. Падение «железного занавеса», идеологические послабления и исследовательские старание ученых, количественно увеличивающиеся в геометрической прогрессии, уже к 2000-м гг. привел к обширному банку работ об эмиграции, это связано с расширением контактов с зарубежными историками и осознание предвзятости внешних оценок. На мой взгляд, тогда же вылилась другая проблема – критичное отношение к советским исследователям и, напротив, абсолютное доверие к эмигрантским и зарубежным исследованиям, что полярно поменяло предвзятость научных работ.

Колоссальным трудом эмигрантов конца 80-х гг. является труд «Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920-1980. Сводный указатель статей»¹⁰, где сотрудники и ближайшие друзья Тургеневской библиотеки Парижа, совместно с Институтом славяноведения в Париже, взяли на себя громадную работу по изучению журналов и сборников, находящихся в их распоряжении, тем самым появилась возможность установить библиографию отдельных авторов, печатавшихся за пределами страны, в числе которых вся редакторская группа еженедельника «Борьба за Россию», хотя и сам еженедельник в исследовании не упоминался.

Важность изучения эмиграции в то время подчеркивает рубрика «Историки русского зарубежья», с 1993 года введенная в журнале «Вопросы истории»¹¹. Немалое место эмиграция заняла в журнале "Отечественная

⁹ Напр.: Соничева Н.Е. На чужом берегу / Н. Е. Соничева. – Москва, 1991; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции / М. В. Назаров. – Ставрополь, 1992; и др.

¹⁰ Гладкова Т.Л. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920-1980. Сводный указатель статей / Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева под ред. Т. Л. Гладковой и Т. А. Осоргиной. – Париж, 1988.

¹¹ Вопросы истории. 1993. № 1; 1993. № 4; 1994. № 4; 1996. № 8; 1999. № 2.

история", "Славяноведение"¹². В Восточной Европе оказалась внушительная часть научной эмиграции, где были сформированы архивы и научные центры. Тема эмиграции заняла определенное место и в других научных и литературно-публицистических журналах ("Вопросы философии", "Новая и новейшая история" и др.). Из российских работ этого времени нужно выделить сборник статей *Культурное наследие русской эмиграции 1917 - 1940 гг.* (в 2 кн. М., 1994), где были включены основные периоды и термины русской эмиграции¹³. Заслугой научной периодики стало привлечение широкого круга исследователей, в том числе иностранных специалистов. Сегодня мы можем констатировать, что тема русского зарубежья явилась ярким примером международного сотрудничества, в ходе которого идет процесс взаимного влияния и обогащения национальных историографических школ. Только в 1990-е годы по проблемам российского зарубежья в Москве были защищены 134 кандидатских и 18 докторских диссертаций, в Петербурге соответственно 28 и 3¹⁴. Среди научных исследований конца 1990-х – начала 2000-х гг. также необходимо отметить работу И. В. Сабенниковой¹⁵ как первую обобщающую монографию по истории российской эмиграции 1917 - 1939 гг.¹⁶

В 1990-ые гг. обостряется внимание к конкретным деятелям журнала «Борьба за Россию», в первую очередь к С.П. Мельгунову и А.В. Карташеву.

¹² См.: Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876 - 1926) // Отечественная история. – 1994. – № 2; Проблемы методологии истории на страницах новых "Исторических записок" // Там же. – 1997. – № 1; Бочарова З. С. Современная историография российского зарубежья 1920 - 1930-х годов // Там же. – 1999. – № 1 и др.

¹³ Чельшев Е.П. Культурное наследие русской эмиграции, 1917-1940: в 2 книгах / под общ. ред. Е. П. Чельшева, Д. М. Шаховского. – Москва, 1994.

¹⁴ Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии: дис. канд. ист. наук : 07.00.09 / Пронин Александр Алексеевич. – Екатеринбург, 2001. – 284 с.

¹⁵ Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917 - 1939): сравнительно-типологическое исследование / И. В. Сабенникова. – Тверь, 2002.

¹⁶ Жданова Т. А. Историографическая традиция изучения русского зарубежья // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2009. – №1.

Здесь стоит отметить диссертации Ю.Н. Емельянова¹⁷ и С.П. Бычкова¹⁸, и критическую статью А.Н. Сахарова «Апостол истории «Святой Руси»»¹⁹. В это же время публикуются многие запрещенные в советское время труды вышеупомянутых авторов, Ю.Н. Емельянов публикует мемуары Мельгунова «Воспоминания и дневники»²⁰, существенный поворот в политике государства по отношению к церкви позволил познакомить широкого читателя с трудами Карташева²¹.

В начале 2000-х гг. интерес от персональной истории перешел к изучению периодических изданий эмигрантов, которые были доступны в открытых библиотечных источниках. Здесь стоит отметить труды Ребровой М.А. по меньшевистскому журналу «Социалистический вестник»²², Пименова И.В., который исследовал русскую печать в Берлине на примере того же журнала «Социалистический вестник» и кадетской газеты «Руль»²³, Веретенниковой Е.В., исследовавшей отношение русской эмиграции к новой экономической политике, и др. В основном российскими исследователями изучались известные и доступные журналы и их редакторы, которые проявили себя в политике задолго до февральских и октябрьских событий 1917 года: П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского и И.В. Гессена. Единственная работа, связанная с образом советского государства и именами трех последних

¹⁷ Емельянов Ю.Н. С. П. Мельгунов в России и эмиграции: дис. докт. ист. наук : 07.00.09 / Емельянов Юрий Николаевич. – Москва, 1998. – 398 с.

¹⁸ Бычков С.П. Антон Владимирович Карташев – историк русской православной церкви: дисс. канд. ист. наук : 07.00.09 / Бычков Сергей Павлович. – Омск, 1999. – 292 с.

¹⁹ Сахаров А.Н. Апостол истории «Святой Руси» // Отечественная история. – 1998. – № 5.

²⁰ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / Сост. Ю. Н. Емельянов. — Москва, 2003.

²¹ Напр. Карташев А.В. Крещение Руси святым князем Владимиром и его культурно-национальное значение // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – Москва, 1991. – С. 32-41. Он же. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. – Москва, 1996.

²² Реброва М.А. Национальный вопрос в СССР в освещении меньшевистского журнала «Социалистический вестник», 1921-1965 гг.: дисс. канд. ист. наук : 07.00.02 / Марина Анатольевна Реброва. – Москва, 2001. – 216 с.

²³ Пименов И.В. Отражение общественно-политической жизни России в печати Русского Зарубежья, 20-30-е гг. XX века: дисс. канд. ист. наук : 07.00.02. – Москва, 2002. – 143 с.

эмигрантских политических деятелей, написана в 2008 году Ляпоровой Е.Н.²⁴. Однако ни в одном исследовании невозможно найти в качестве источника еженедельник «Борьба за Россию», лишь упоминания о нём, когда речь шла об авторах журнала. Таким образом, еженедельник «Борьба за Россию» до настоящего времени не стал объектом изучения историков.

Исходя из этого, цель исследования – проследить процесс формирования образа Советской России, выявить специфические особенности представлений русских эмигрантов на проблемы внутренней и внешней политики советского государства.

Из цели вытекают следующие исследовательские задачи:

- дать характеристику печатному изданию «Борьба за Россию»;
- выявить основные сюжеты Советской России, интересовавшие авторов еженедельника;
- рассмотреть положение рабочего класса на страницах газеты;
- проанализировать взгляды авторов еженедельника на национальный вопрос;
- дать характеристику описания советского быта эмигрантами;
- выявить отношение газеты «Борьба за Россию» к проблемам внешней политики советского государства;

Методологическую основу работы составили общенаучные и специальные методы культурологии, социальных и политических наук. Из общенаучных методов использовались методы анализа и синтеза, обобщения и аналогии, индукции и дедукции. Системный подход, являющийся основополагающим в данном исследовании, предполагает анализ статей о Советской России в совокупности их выразительного и содержательного планов и во взаимосвязи с различными факторами социального и политического процесса. Специфика работы, связанная с анализом главного

²⁴ Ляпорова Е.Н. Образ советского государства в представлениях русской эмиграции в 20 - годы XX века на примере взглядов П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского и И.В. Гессена: дисс. канд. ист. наук : 07.00.02 / Ляпорова Елена Николаевна. – Ростов-на-Дону, 2008. – 200 с.

источника еженедельника «Борьба за Россию», обусловила использования целого ряда методов и подходов научного исследования, основными из которых являются следующие²⁵.

- исторический метод, позволяющий рассмотреть проблемы формирования образа России в определенных исторических рамках;
- метод контент-анализа, учитывающий содержательную сторону исследуемых объектов;
- сравнительно-исторический и описательный метод, дающий возможность для сопоставления представлений о Советской России в эмигрантском сообществе;
- социологический подход, с помощью которого выясняется зависимость представлений о России от развития взглядов русских эмигрантов.

В исследовании использован обширный материал источников, которые можно классифицировать на:

- законодательные акты и нормативные документы советского правительства;

В частности, в исследовании были использованы Конституция СССР 1924 года²⁶, позволяющая понять устои и законы советского государства, и принципы, на которые опиралось советское правительство, что существенно помогло в изучении национального вопроса на страницах еженедельника. В вопросе о советском быте неоценимый вклад внесло изучение Свода узаконений РСФСР и в частности декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР» в книге Генкина Д.М. «История советского

²⁵ Цепилова В. И. Некоторые проблемы изучения исторической мысли русского зарубежья 1920-1930-х годов // Вопросы истории. – 2007. – №1.

²⁶ Конституция (основной закон Союза Советский Социалистических Республик) с приложением важнейших действующих узаконений об организации и деятельности Центральных органов Союза ССР. – Москва: Юридическое издательство Наркомюста, 1924.

гражданского права»²⁷. Вопросы землепользования и землеустройства, переселения народов, крестьянского быта нашли отражение в Земельном кодексе РСФСР²⁸. Правовая основа жизни в советском государстве, положение рабочего класса нашли отражение в Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства²⁹.

— статистические данные из архивов и статистических сборников 20-ых годов;

Статистический сборник за 1924 год³⁰ содержит проверочные данные цифр жилой площади на одного рабочего в главных промышленных центрах СССР, также содержал данные о денежном количестве сберегательных вкладов в СССР, что позволяло сравнить их с данными, приведенными в Статистическом ежегоднике 1909-1914 года³¹. Статсборник «Сельское хозяйство Союза ССР в 1925/26 г.» позволил сравнить земельные показания, приведенные эмигрантами в еженедельнике³².

— материалы личного происхождения;

Представляют собой многочисленные письма и свидетельства очевидцев, поступавшие в редакцию газеты, содержавшие в себе бесценную информацию о быте советского гражданина. Корреспондентами были люди из разных слоев общества, подписывавшиеся или только фамилиями («Таврогин»), или инициалами («Б.С.») или псевдонимами («Одинокий»).

— труды авторов печатного издания. Здесь стоит отметить бесчисленное количество трудов редакторской группы еженедельника: Бурцева В.Л.³³,

²⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее СУ РСФСР). 1922. №36. Ст. 423.

²⁸ СУ РСФСР. 1922 № 68. Ст. 901.

²⁹ СУ РСФСР. 1924 – 1938 гг.

³⁰ Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923. – Москва, 1924.

³¹ Статистический ежегодник России 1909-1914 гг. – Петроград, 1914.

³² Сельское хозяйство Союза ССР в 1925/26 г. – Москва, 1927.

³³ Бурцев В.Л. Боритесь с ГПУ / В. Л. Бурцев. – Париж, 1932. Он же. Борьба за свободную Россию: Из воспоминаний (1882—1924) / В. Л. Бурцев. – Берлин, 1924. Он же. Преступления и наказания большевиков. По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц / В. Л. Бурцев. – Париж, 1938. и др.

Карташева А.В.³⁴, Мельгунова С.П.³⁵, Полнера Т.И.³⁶, Рысса П.Я.³⁷, Федорова М.М.³⁸, Чубинского М.П.³⁹.

— периодические издания (эмигрантские «Социалистический вестник», «Революционная Россия», «Возрождение»; советские «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь», «Труд»);

Периодические издания русских эмигрантов позволили более полно раскрыть образ Советской России на страницах еженедельника. Все издания находились в постоянном контакте друг с другом, опубликовались статьи из разных журналов, происходил обмен источниками информации: в основном письмами и свидетельствами очевидцев. В журнале «Возрождение» можно найти статьи о редакторской группе еженедельника «Борьба за Россию»⁴⁰, и где еженедельник и редакторская группа впервые были рассмотрены, как реальная сила в борьбе с большевистским правительством и установлению республики в России.

Советские газеты позволяли проверить данные, изложенные на страницах еженедельника. Например, в газете «Экономическая жизнь» содержался неоценимый клад информации о положении рабочего класса,

³⁴ Карташев А.В. Крещение Руси святым князем Владимиром и его культурно-национальное значение // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – Москва, 1991. – С. 32-41. Он же. Православие и Россия // Православие в жизни. – 1953. – № 1. Он же. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. – Москва, 1996. и др.

³⁵ Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова (по поводу «Россия на переломе»): критико-библиографический очерк / С. П. Мельгунов. – Париж, 1929. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть / С. П. Мельгунов. – Париж, 1953. Мельгунов С.П. Красный террор в России / С. П. Мельгунов. – Нью-Йорк, 1979. Мельгунов С.П. и др.

³⁶ Полнер Т.И. Большевики и мы / Т. И. Полнер // Борьба за Россию. – 1926. – № 1.

³⁷ Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции / П. Я. Рысс. – Париж, 1921.

³⁸ Федоров М.М. Втирают очки рабочему классу / М. М. Федоров // Борьба за Россию. – 1926. – № 1. Федоров М.М. К вопросу о положении рабочих в СССР / М. М. Федоров // Борьба за Россию. – 1926. – № 5. и др.

³⁹ Чубинский М.П. Украинский вопрос / М. П. Чубинский // Борьба за Россию. – 1927. – № 21.

⁴⁰ Напр. Альбус Н.А. Последний из Дон-Кихотов (К 10-летию кончины ВЛ. Бурцева) // Возрождение. – 1952. – № 24. Цуриков Н.А. Патриотическая «детонация» (страница из недавнего прошлого) // Возрождение. – 1950. – № 12.

данные о заработной плате рабочих, стоимость продуктовой корзины среднестатистического рабочего, продолжительности рабочего дня. В изданиях «Известия» и «Правда» содержались интересные факты об особенностях выдачи заработной платы через сберегательные кассы, рассматривалось международное положение СССР и национальный вопрос в союзных республиках. Газета «Труд» содержала подтверждающие сведения «Борьбы за Россию» факты о сверхурочных рабочих часах, освещался быт советского рабочего.

Основным источником данного исследования является еженедельное издание русских эмигрантов «Борьба за Россию», которое в настоящее время находится в Тургеневской библиотеке Парижа.

Еженедельник ставил перед собой задачу пробуждения в России чувства активности путем обличения советской власти. Разрешение этой задачи было невозможно без создания доступного органа свободного слова, под которым подразумевалась газета «Борьба за Россию» – общий орган русских патриотов, живущих в России и за её пределами. Эмигранты искренне были уверены, что, спустя десять лет своей деятельности, большевистская партия лишилась поддержки широких слоев населения. «Эта власть чувствует себя, как в завоеванной стране, где неизбежно, рано или поздно, настанет час возмездия» – пишут в еженедельнике: «Мы издали видим, как пробуждается, накапливая энергию, многомиллионное русское крестьянство»⁴¹. «Vivos vocare» – как в герценовском «Колоколе» зовут эмигранты всех живых на непримиримую борьбу с большевизмом. Главным призывом к читающим было распространение журнала на территории Советского Союза, как голоса всей антибольшевистской России⁴².

Фундаментом уверенности в своем успехе свержения большевистской власти служили многочисленные письма, получаемые эмигрантами с

⁴¹ Борьба за Россию. 1926. № 1.

⁴² Борьба за Россию. 1927. № 21.

Советской России. «В России идет успешная и активная борьба», – писали им: «не оружием и не свободной печатью, ибо такая борьба физически невозможна, но неослабевающая, непрерывная борьба практикою жизни». Также эмигрантам придавал уверенности тот факт, что к 1926 году в СССР только 0,5% населения были коммунистами, «беспартийные» же «каждый день подтачивают советскую власть и с недоумением смотрят на запад, на русскую эмиграцию: они ждут помощи и, прежде всего, от свободной печати» – писал еженедельник⁴³.

«Борьба за Россию» несёт в себе целый ряд особенностей, которые могли бы заинтересовать не только профессиональных историков, но и филологов. Все тексты написаны дореволюционным шрифтом, богаты всевозможными литературными тропами, постоянно упоминаются российские писатели-классики, используются факты из отечественной истории. Упомянув русского мужика, они ставят в пример Платон Каратаева и Емельяна Пугачева, произведения «Мужики» Чехова и «Деревню» Бунина. Тот факт, что некоторые классические произведения были запрещены к чтению в СССР, вызвала бурную негативную реакцию у заграничной интеллигенции⁴⁴.

Еженедельник спонсировался нефтепромышленником Деттерингом, большую роль играли также общественные пожертвования, которыми занимался Михаил Михайлович Федоров, бывший в 1906 году управляющим министерства торговли и промышленности, человек, обладающий огромным опытом работы с финансами. Например, в первом выпуске еженедельника было написано, что «собрано сумм от господина М. М. Федорова 25000 франков и от группы казачьих организаций 5000 франков»⁴⁵. Такие благодарности появлялись в конце каждого выпуска. Начиная с 1929 года Федоров становится единственным редактором «Борьбы за Россию».

⁴³ Борьба за Россию. 1927. № 6.

⁴⁴ Борьба за Россию. 1926. № 1.

⁴⁵ Борьба за Россию. 1926. № 1.

В редакторской группе еженедельника были представители прогрессивных политических взглядов, публицисты и ученые: Сергей Петрович Мельгунов, насильно высланный из страны в 1922 году⁴⁶, публицист Владимир Львович Бурцев⁴⁷, до последнего стоявший с оружием в руках в Крыму, вплоть до приказа генерала Врангеля об эвакуации, историк русской церкви и последний обер-прокурор Священного синода Антон Владимирович Карташев, историк-журналист Тихон Иванович Полнер и другие русские эмигранты, ставшие таковыми вопреки своему желанию⁴⁸. Несмотря на то, что в еженедельнике писали статьи более 500 авторов, можно объединять их мысли в общие идеи еженедельника, потому что все они были одобрены редакторской группой. Основная масса авторов – это те, кто принудительно покинули Россию на пароходах «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен»⁴⁹. Акция большевистского правительства, вошедшая в историю под названием «философский пароход», стала символом всей русской эмиграции, а имена Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, А. С. Изгоева навсегда вошли в историю нашего государства⁵⁰.

Идеологически авторов еженедельника можно назвать народниками-социалистами, приемниками идей А. И. Герцена о «русском социализме». Авторы не верили, что основной ячейкой общества и основной революционной силой может быть рабочий класс. Основной своей опорой авторы видели крестьянство, поэтому крестьянскому быту и земельному вопросу в еженедельнике было посвящено огромное количество статей.

⁴⁶ Главацкий М.Е. «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 году. // Новая и новейшая история. – 2002. – №5.

⁴⁷ Верба И.А. В. Л. Бурцев – публицист и революционер // Вопросы истории. – 2010. – № 6.

⁴⁸ Невский В.А. Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией // Под знаменем марксизма. – 1922. – № 7-8.

⁴⁹ Телицын В.Л. "Люди мысли": изгнание из России (Реконструкция списка высланных во второй половине 1922 - начале 1923 года) / В. Л. Телицын. – Санкт-Петербург, 2002. – 215 с.

⁵⁰ Коган Л.А. "Выслать за границу безжалостно" (Об изгнании духовной элиты) / Л. А. Коган. – Москва, 1998. – 215 с.

В силу ряда обстоятельств история высылки выдающихся представителей русской интеллигенции до сих пор остается темным пятном в изучение русской эмиграции 20-ых годов. Справедливо пишет М. С. Геллер: "Высылка в 1922 г. значительной группы крупнейших представителей русской интеллигенции остается неисследованным эпизодом советской истории, белым пятном не только потому, что не говорят о ней правды советские источники, но и потому, что по целому ряду причин, политических и личных, сами высланные оставили очень мало свидетельств. Как правило, эпизод этот лишь упоминается - более или менее обширно - в воспоминаниях, в юбилейных статьях, публиковавшихся в русской эмигрантской печати. Несмотря на то, что среди высланных были крупные русские историки, историю своей высылки они не написали"⁵¹.

Примером того, что, по крайней мере в столицах, о журнале знали, является упоминание этого еженедельника Молотовым на XXIV Ленинградской губпартконференции⁵². Сами эмигранты также обладали информацией, что «Борьба» доставляется в Россию, поэтому в каждый выпуск помещали призывы с распространением своего журнала⁵³. Эмигранты были искренне уверены, что понимали русского крестьянина: «Мы знаем, что у крестьян уже есть и свои сходы, и свои советы, и своя милиция, в некоторых местах даже свои суды, и свои школы, и свои кооперативы»⁵⁴. Однако в целом они ошибались, в то время крестьянство показало себя политически неактивным населением, а пропасть, которая была между интеллигенцией и крестьянством в дореволюционной России, осталась и в послереволюционной. В этом одна из причин, почему взгляды эмигрантов не были разделены широкими общественными массами России.

⁵¹ Геллер М. С. "Первое предостережение" - удар хлыстом // Вопросы философии. – 1990. – № 9.

⁵² Борьба за Россию. 1927. №13.

⁵³ Там же. С. 15.

⁵⁴ Борьба за Россию. 1926. №3.

Нужно отметить, что «Борьба за Россию» довольно часто обвинялась в том, что её сторонники не имеют никакой позитивной программы, кроме лозунга: "Долой большевиков!", что выглядело достаточно несправедливым. В своих мемуарах Н. А. Цуриков писал: "Политическая платформа "Борьбы" фиксировала вполне ясные положения. Абсолютное отвержение соглашений с большевиками и революционная борьба против них. В основу дальнейших земельных отношений должно лечь новое крестьянское землевладение. Полная свобода религий и наличие других гражданских свобод, т.е. свободы личности, собраний, союзов, печати. Единый, равный для всех, независимый гласный суд, и уничтожение всех тайных судилищ: ЧК, ГПУ. Признание свободы частной инициативы и собственности основным стимулом хозяйственного развития с сохранением за государством права контроля и руководства"⁵⁵.

Еженедельником "Борьба за Россию" в 1928 году была налажена своя линия доставки литературы через Берлин. Этим занимался член Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) В.М. Кудрявцев. Отправка литературы велась через Прагу. Координировал эту деятельность другой народный социалист В.С. Озерецковский. Отправка изданий "Борьбы за Россию" в СССР велась до конца 1931 года. В 1924 - 1928 гг. работал Республиканско-демократический союз (РДС), объединивший "Крестьянскую Россию", «Борьбу за Россию» и сторонников Милюкова. И до, и после распада РДС "Крестьянская Россия", милюковцы, группа "Борьба за Россию", правые эсеры и кадеты центра сотрудничали в рамках проекта "Опус" по доставке своих агентов и литературы в СССР⁵⁶.

Что касается в целом русской эмиграции тех лет, то это было и остается уникальнейшим явлением в мировой истории не столько по количеству,

⁵⁵ Цуриков Н. А. Патриотическая "детонация" (страница из недавнего прошлого). // Возрождение. – 1950. – № 12.

⁵⁶ Соколов М.В. Из истории республиканско-демократического крыла русской эмиграции // Новая и новейшая история. – 2008. – №2.

сколько по качеству состава беженцев. Юрист и историк Б. Э. Нольде писал в те дни: «С библейских времен не бывало такого грандиозного "исхода" граждан страны в чужие пределы. Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа: ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы ни брали. Это уже не эмиграция русских, эмиграция России»⁵⁷. Покинуть страну пришлось чиновникам почти всех рангов и уровней, от министров правительства и сенаторов до мелких земских чиновников, практически весь военный офицерский состав, предприниматели, выдающиеся деятели культуры, все высшие партийные представители небольшевистских партий. Когда говорят, что за границей оказался весь цвет русской интеллигенции, то это вряд ли можно считать преувеличением. Известный советский историк литературы и общественного движения Н. Л. Мещеряков вынужден был признать: "Чуть не вся старая литературная Россия после Октябрьской революции ушла в белогвардейский лагерь. Немудрено, что за границей выходит теперь так много всяких белогвардейских книг, журналов и газет"⁵⁸.

Таким образом, источниковая база представляется достаточной для освещения темы.

Данная работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Первая глава посвящена положению рабочего класса в Советской России на страницах еженедельника «Борьба за Россию», вторая глава посвящена национальному вопросу в СССР, третья глава – советскому быту и четвертая – международному положению СССР. Каждая глава содержит особенности и отличительные черты, которые отмечали русские народники-эмигранты.

⁵⁷ Нольде Б. Э. Заграничная Россия // Последние новости. – 1920. – № 1.

⁵⁸ Мещеряков Н. Л. Наши за границей // Красная новь. – 1921. – № 1.

ГЛАВА 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

Из всех вопросов, затрагиваемых на страницах газеты «Борьба за Россию», особого внимания заслуживает вопрос о положении рабочего класса в СССР. Эмигранты рассматривают официальные данные советской прессы, сравнивая их с дореволюционными, анализируют положение западного среднестатистического рабочего и сравнивают его с советским, уделяют внимание рабочим волнениям, происходящим в СССР в то время, и затрагивают вопросы безработицы.

Анализируя статьи советских газет, эмигранты приходят к выводу, что официальная пресса искажает многие факты о прошлом и нынешнем положении рабочих. Мы остановимся на некоторых основных составляющих положения рабочего и начнем с представлений эмигрантов о заработной плате советского рабочего⁵⁹.

Эмигранты вкратце напоминают нам о результатах XV конференции РКП(б), проходившей с 26 по 3 ноября 1926 года, которая признала, что «политика партии в области зарплаты должна строго согласовываться с действительным положением советского хозяйства, ростом его производительных сил, его ресурсами, обеспечивая в то же время социалистическое накопление».⁶⁰ В еженедельнике считали, что этой зависимостью уровня заработка рабочих от материальных ресурсов страны появилась обязанность у русских рабочих считаться с этим положением только в отношении к советской власти; в других случаях и в других странах советская власть подстрекала рабочих к забастовке с требованием повышения заработка вне всякой зависимости от положения хозяйства страны или ресурсов данного предприятия. Таким образом, была затронута проблема связывания политики советского правительства в положение рабочих других

⁵⁹ Борьба за Россию. 1926. № 3.

⁶⁰ Экономическая жизнь. 1926. 13 ноября.

стран, чьё материальное состояние и условия жизни не нуждалось в поддержке советского правительства.

Так как в 1926 году положение советского хозяйства представлялось большевистской партией весьма тяжелым, то в том году не предполагалось повышения заработной платы высшим категориям рабочих и служащим, а лишь только выравнивание оплаты труда низшим категориям. Сообщая о подобном решении в своем циркуляре трестам горной промышленности, ВСНХ указывал, что советская власть повышает заработок рабочих весьма быстрым темпом, например, в Донецком Бассейне за последние 2-3 года на 20% в год, тогда как «при капиталистическом хозяйстве в Российской Империи» за 30 лет с 1885 г. по 1914 г. заработная плата в Донецком Бассейне возрастала всего на 2,5% в год — с 220 до 395 рублей⁶¹.

Автор статьи, скрывающийся под инициалами Б.С., выразил сомнения, что «Экономическая жизнь» могла ввести в заблуждение русских рабочих, являющихся очевидцами проводимой советской политики. Что, несмотря на пропагандируемое сомнительное быстрое повышение заработной платы, она все еще далеко отстает от довоенных норм, тогда как в других странах заработок рабочих уже значительно возрос⁶².

Согласно статье «Положение рабочего класса в СССР», среднемесячный заработок рабочего в национализированной промышленности составлял в 1925-26 г. 27 рублей 40 коп. (в условных московских рублях) или 90% довоенного заработка, эта же информация подтверждается юбилейным номером газеты «Экономическая жизнь» от 7-го ноября в статье "Консолидация пролетариата"⁶³. Громан Владимир Густавович, советский статистик, в своем отчете о 1925-26 хозяйственном году определяет этот заработок в меньшей цифре — 24 рубля 60 коп. в месяц (в довоенных

⁶¹ Экономическая жизнь. 1926. 30 октября.

⁶² Борьба за Россию. 1927. № 15.

⁶³ Экономическая жизнь. 1926. 7 ноября.

рублях)⁶⁴. При этом, по свидетельству советского специалиста по заработной плате А. Рабиновича, за истекший отчетный год эта плата даже слегка понизилась, если сравнивать цифру в московских условных рублях, отражающих стоимость бюджетного набора продуктов⁶⁵.

Автор еженедельника приводит в пример страны, с которыми советская власть завязала наиболее деятельные торговые сношения, Англию и Германию. Соответственные цифры для Англии будут 48 фунтов и 2 шиллинга в неделю, или 96 золотых рублей в месяц (если считать только 28 дней в месяце), а для Германии 45,52 марок в неделю для квалифицированных рабочих, т. е. 82 золотых рубля в месяц и 33,91 марок в неделю для прочих, т. е. 61 золотой рубль в месяц, причем эти цифры представляют повышение на 40% для квалифицированных и на 63% для прочих рабочих по сравнению с довоенной нормой.

Если мы обратимся к той отрасли промышленности, в которой произошел такой головокружительный, по сообщению ВСНХ, рост заработной платы — к каменноугольной промышленности в Донецком Бассейне, то в октябре 1926 года, заработок здесь составляет 57,18 червонных рублей или 25 золотых рублей в месяц, т. е. 75% довоенного, если принять для довоенного заработка цифру, приводимую ВСНХ. Но она является преуменьшенной, ибо действительный заработок рабочих в Донецком Бассейне в 1914 года составлял 36 рублей в месяц, по данным Совета Съезда Горнопромышленников Юга России⁶⁶.

Интересно сравнение на страницах рассматриваемого еженедельника современного заработка рабочих Донецкого Бассейна с заработком английских углекопов, которым русские горнорабочие «добровольно», саркастически выражается автор, собрали 9 миллионов золотых рублей.

⁶⁴ Экономическая жизнь. 1926. 1 октября.

⁶⁵ Экономическая жизнь. 1926. 1 ноября.

⁶⁶ Бондаренко Е.Л. Съезды горнопромышленников Юга России – крупнейшая представительная организация монополистического капитала России // Вестник Московского университета. Серия 8. — Москва. – 2009.

Нужно учесть, что в еженедельнике сравнения проводились по пропорциональному принципу: насколько изменилось положение рабочего в странах со времен Первой мировой войны, количественные показатели в общем сравнении не учитывались. В апреле 1926 года перед объявлением забастовки горнорабочий на угольных копях наиболее непримиримого Южного Уэльса получал 2 фунта 18 шиллингов 7 пенсов в неделю, т.е. 117 золотых рублей в месяц (считая по-прежнему 28 дней в месяц); поденный рабочий — 2 фунта 8 шиллингов 4 пенса в неделю или 84 золотых рубля в месяц, не считая добавок из субвенционного фонда. Данные эти подтверждаются главным английским журналом среднего класса *The Guardian*, от 30 апреля 1926 года. По отношению к довоенному заработок английских углекопов повышен более чем на 50%. Следовательно, для помощи в забастовке этим углекопам, имеющим заработок в четыре раза больше, чем русский горнорабочий, советская власть удержала целых 9 миллионов золотых руб. из «нищенского» заработка русских горнорабочих⁶⁷.

В 1926 году в Англии наблюдается падение стоимости жизни. Возьмем, для примера, бюджет рабочего в средней Европе, исчисленный во франках⁶⁸. Неквалифицированный (чернорабочий) получает за 8-часовой рабочий день 2 рубля, или 50 рублей в месяц. Утренний кофе с молоком, обед из 4-х блюд и ужин из 3-х блюд обходятся в одиннадцать франков (т.е. меньше одного рубля) или 27 рублей в месяц. Двенадцать рублей стоит комната, и около рубля — налоги, итого 13 рублей в месяц. Остаётся ему 10 рублей в месяц на платье, газеты, табак и пр. А газета здесь стоит 2 коп., 20 папирос — 9 коп. и т. д. Если в Англии жизнь на 30% дороже, — то, соответственно, и оплата труда выше. Не надо при этом забывать, что во Франции, например, черно-рабочие набираются из людей других национальностей, а французские рабочие все —

⁶⁷ Борьба за Россию. 1927. № 33.

⁶⁸ Курс на тот день: 1 рубль = 12,5 франков.

квалифицированные, так что заработок их колеблется между 35 и 40 франками в день, т.е. между 2 р. 80 коп. и 3 рублями в день⁶⁹.

Таким образом, русский рабочий получал ничтожную заработную плату, совершенно несоответствующую жизни в России и во много раз более низкую, чем у рабочих европейских стран, как было и в довоенное время. Кроме того, выплата заработка рабочим в СССР производилась очень неаккуратно, как это отмечал автор статьи, ссылаясь на присланные в редакцию письма из России. При этом, в некоторых местах прибегли к новому приему задержки заработной платы: они вносили заработную плату в сберегательные кассы на счет рабочих, а оттуда заработок выдавался по частям, согласно правилам сберегательных касс; такой порядок расплаты был установлен, например, в Туркестане⁷⁰.

Что касается продолжительности рабочего времени, то теоретически для промышленных рабочих был установлен 8-ми часовой рабочий день, а в горной промышленности для подземных рабочих даже 6-ти часовой рабочий день. Однако, согласно докладу начальника отдела охраны труда Народного комиссариата труда (НКТ) СССР Каплуна Сергея Ильича, сделанному на пленуме Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) 2 сентября 1926 года, эти нормы в национализированной промышленности не соблюдались, и во многих отраслях (например, в металлургической и других) царит 9-ти и 9-ти с половиной часовой рабочий день, благодаря постоянному применению сверхурочных работ⁷¹. В каменноугольной промышленности Донецкого Бассейна продолжительность рабочего дня для подземных рабочих также была доведена до 8-9-ти часов; даже подростки работали по 8-мь часов в шахтах⁷².

⁶⁹ Борьба за Россию. 1927. № 34.

⁷⁰ Известия. 1926. 21 октября.

⁷¹ Труд. 1926. 10 июля.

⁷² Экономическая жизнь. 1926. 12 января.

Вообще, по подсчетам автора статьи, в одной Украинской промышленности за первый квартал 1925-1926 гг. было сделано 15,7 миллионов часов сверхурочных работ вместо разрешенных 1,5 миллиона часов, во втором квартале — 10,2 миллионов часов и т. д.

С.И. Каплун на пленуме ВЦСПС объясняет эти злоупотребления хозяйственников тем, что недостаток квартир и их печальное состояние не позволяет промышленности нанимать новых рабочих, а главное тем, что сами рабочие, ввиду мизерности их заработка, стремятся к сверхурочным работам. Как мы видели выше на примере горнорабочих, даже и при громадном количестве сверхурочных работ, заработок их едва достигает 75% довоенного.

Еженедельник также затрагивал проблему безопасности работ на предприятиях. Охрана труда от несчастных случаев в производстве поставлена при советском режиме «из рук вон плохо», как единогласно признавали все советские авторитеты. Каплун объяснял это изношенностью оборудования, недостаточным надзором со стороны инспекции труда и небрежностью директоров предприятий, которые, по показаниям корреспондентов «Экономической Жизни», расходовали на другие надобности даже и те ничтожные средства, который ассигновались советской властью на мероприятия по охране труда⁷³.

Печальную картину положения охраны труда давали советские газеты по отношению к Донецкому Бассейну. Многочисленные комиссии НКТ, ВСНХ и ЦК горняков, обследовавшие Донецкий Бассейн в смысле безопасности работ, пришли к единодушному заключению, что Донецкий Бассейн находится в состоянии, угрожающем катастрофами: вентиляция неудовлетворительна, количество воздуха в три раза меньше требуемого правилами, предохранительные лампы «Вольфа» сильно изношены и находятся в полном беспорядке; стволы шахт, не ремонтировавшиеся за время революции, дают обвалы; нередки случаи обрывов клетей, причем

⁷³ Борьба за Россию. 1927. № 40.

предохранительных устройств для задержки клеток при падении не оказывается⁷⁴.

Неудивительно, что при таких условиях 1925-26 год является рекордным по количеству несчастных случаев в Донецком Бассейне за все время его существования⁷⁵.

Так как состояние промышленных предприятий и в других отраслях не лучше, и рабочая дисциплина столь же хромает, то, вообще, число несчастных случаев в промышленности СССР весьма велико: в 1924 году зарегистрировано 9510 несчастных случаев на 100000 рабочих дней⁷⁶, а в 1911 году их было в среднем 3300. В 1925 и в 1926 гг., по сообщению комиссара труда Шмидта Василия Владимировича, рост числа несчастных случаев продолжается⁷⁷.

Эмигранты делают вывод, что охрана труда рабочего на промышленных предприятиях при пресловутой диктатуре пролетариата находится в недопустимом небрежении. Они обвиняют коммунистический интернационал, управляющий ныне Россией, в незаинтересованности в охране жизни и здоровья русских рабочих, что он предпочитает тратить народные деньги на поддержку коммунистических партий в других странах, пропаганду мировой революции, финансирование английской забастовки и на снабжение средствами красных китайских генералов⁷⁸.

За время революции помещения в больших городах и в промышленных районах пришли в ужасное состояние: громадное число домов было совсем разрушено, сохранившиеся живые помещения пришли в полное запущение, благодаря тому, что дома лишились хозяев и никто не отвечал за их содержание в исправности и не заботился о них. Насильственно вселенные

⁷⁴ Правда. 1926. 16 марта.

Экономическая жизнь. 1926. 16 ноября.

⁷⁵ Экономическая жизнь. 1926. 16 ноября.

⁷⁶ Вопросы труда. 1926. 3 апреля.

⁷⁷ Труд. 1926. 17 мая.

⁷⁸ Борьба за Россию. 1926-1929 гг.

даровые жильцы вели себя в квартирах «не как добрые хозяева, а как завоеватели»⁷⁹.

По советским данным, в одной Москве, к началу 1924 года, более 40 тыс. квартир было приведено в совершенно непригодное для жилья состояние, следовательно, сделалось необитаемым около 20% всего числа квартир, существовавших в 1917 году⁸⁰. «Кроме того, большое число домов находилось в дурном состоянии, текли крыши, были испорчены водопроводы, отопительные приборы и т. д. Такое же положение было в Петербурге и других центрах, еще хуже — в Одессе, где 36% домов сделались негодными для жилья» – сообщал еженедельник «Борьба за Россию»⁸¹.

Необходимость восстановить разрушенные жилища советская власть ставила одной из приоритетных своих задач. СНК подсчитал, что на жилищное строительство в 1925 году нужно было потратить 3 миллиарда рублей⁸². Очевидцы происходящих событий были уверены, что ассигнована на жилищное строительство была более скромная сумма, чем предложенная.

Однако, и ассигнованные средства были ассигнованы нерационально, большая часть их пошла по коммунистическим карманам, как признавал Дзержинский на 7-м Съезде металлистов: «В этом смысле положение совсем плохо, и не только потому, что у вас не хватает денег или строительных материалов, но особенно потому, что вся организация постройки жилых помещений никуда не годится. Мы имеем, правда, в Москве два строительных бюро, но половина их сотрудников уже сидит в Лубянке»⁸³.

В общей сложности, со времени отказа советской власти от интегрального коммунизма и до конца 1924 года было всего возведено 320 тыс. куб. саж. построек на всю Россию, что составляло 1,4% советской

⁷⁹ Правда. 1924. 14 августа.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Борьба за Россию. 1927. № 29.

⁸² Экономическая жизнь. 1925. 25 марта.

⁸³ Труд. 1925. 22 ноября.

программы минимум⁸⁴. Эмигранты обвиняли советскую власть ещё и в том, что она не создавала необходимые условия для развития частного домостроения, что не было никаких гарантий, что построивший дом сможет его использовать по своему желанию. В результате, рабочий класс страдал от острого квартирного затяжного кризиса.

Для наглядного примера можно привести данные «Статистического сборника СССР» за 1924 год⁸⁵. Статсборник дает для главных промышленных центров СССР такие цифры жилой площади на одного рабочего, не считая членов семейства:

Районы	Жилая площадь на одного рабочего, в кв. метрах
Москва	4,3
Ленинград	7,7
Урал (металл. заводы)	3,5
Донецкий бассейн	4,4
Иваново-Вознесенск	4,8
Тула	3,7
Тверь	3,9
Югосталь (металлургия Юга России)	2,2

Более поздние данные не показывали улучшений. V-ый Съезд горнорабочих, VII-ой Съезд текстильщиков 11 – 19 мая 1926 года, VII-ой Съезд металлистов единогласно жаловались на жилищную нужду⁸⁶.

Несмотря на израсходование в 1926 году на постройку жилых помещений в Донецком бассейне 21 миллиона рублей, жилыми помещениями

⁸⁴ Вестник Труда. 1924. 10 октября.

⁸⁵ Статистический сборник СССР. 1924 год.

⁸⁶ Борьба за Россию. 1926. № 2.

по норме могло бы быть удовлетворено только 50% занятых в нем рабочих⁸⁷. При этом, по сообщению «Правды»⁸⁸, большая часть квартир находилась в домах полуразрушенных, требующих срочного ремонта. На Урале в 1926 году приходилось 4,5 кв. м. жилой площади на одного рабочего, рабочим приходилось ходить на работу за 10-15 верст пешком по плохим дорогам⁸⁹. На текстильном съезде московские делегаты сообщали, что «рабочим приходится жить в полуразрушенных помещениях, которые не дают даже 3 кв. метров на человека и невероятно грязны»⁹⁰.

Резюмируя итоги всех этих Съездов, официальный «Труд» в номере от 2-го июня 1926 года писал: «Жилищный кризис во всех отраслях промышленности и транспорта доходит до крайних пределов. Тысячи рабочих, особенно в тяжелой промышленности, буквально не имеют куда голову преклонить. Металлисты пользуются мизерной жилой площадью в 3,5 кв. метров. Если учесть членов семейств, то на одного живущего в рабочих помещениях не приходится и 2,5 кв. метров жилой площади, «полтора гроба на человека», как выражаются рабочие»⁹¹.

Но и эта скромная площадь не отвечала самым элементарным требованиям гигиены. Отдельные сообщения с мест давали тяжелую картину: на коммунистической фабрике «Авангард» в Московском районе рабочие ютились по 5-8 человек в одной каморке, нередко 2-мя семьями: грязь, ссоры, шум, галдеж. Комиссия, осматривавшая фабрики Иваново-Вознесенского района, сообщала в Экономической Жизни от 20-го июня 1926 года, что в 86,6% жилых помещений рабочие помещаются чуть ли не друг на друге, 12,2% — «едва сносно» и только 1,2% квартир более или менее отвечали требованиям гигиены⁹³. Рабочие, которые заняли «буржуйские» помещения,

⁸⁷ Экономическая жизнь. 1926. 30 октября.

⁸⁸ Правда. 1926. 16 июля.

⁸⁹ Экономическая жизнь. 1926. 16 апреля.

⁹⁰ Труд. 1926. 18 мая.

⁹¹ Труд. 1926. 2 июня.

⁹² Борьба за Россию. 1927. № 8.

⁹³ Экономическая жизнь. 1926. 20 июня.

оказались не в лучшем положении. Из 73 квартир, которые были осмотрены, 32 оказались в таком виде, что они должны были немедленно быть эвакуированы и ликвидированы; в 13 случаях можно было допустить только временное пребывание в квартирах: не хватало воздуха, самые примитивные требования гигиены не соблюдались. В столь же печальном состоянии находились помещения рабочих в Грозненском нефтяном районе⁹⁴. Таких сообщений в советских официальных газетах огромное множество, но материал слишком однороден, чтобы его стоило повторять, да и сказанного достаточно, чтобы составить себе ясное понятие о жилых помещениях рабочих в СССР⁹⁵.

Эмигранты приводили для сравнения, какие жилища имел рабочий в «буржуазных» странах Западной Европы. В еженедельнике, ссылаясь на уже упомянутый журнал «Гардиан», был описан рабочий поселок при угольных копях в Англии «Дартон Вест Колльери». Квартиры имели от 3-х до 5-ти комнат, не считая кухни и ванной, которая имела почти в каждой квартире. На угольных копях Франции, в районе Нор и Па-де-Калэ, общепринятый тип квартир для горнорабочих включал в себя 3-4 комнаты, кроме кухни и прачечной. Для семейств многодетных, как отмечала газета «Борьба за Россию», пользующихся особым покровительством во Франции, были построены квартиры с еще большим числом комнат⁹⁶.

Жилищная теснота и несоблюдение самых элементарных требований гигиены и санитарии, естественно, не могли не отразиться самым тяжелым образом на здоровье русских рабочих, особенно подрастающего поколения, а равно и влияли в дурную сторону на работоспособность рабочего. Союз металлистов уверял, что 30-40% несчастных случаев надо было приписать тому, что рабочие являлись на работу, не отдохнув, как следует, вследствие

⁹⁴ Труд. 1926. 8 мая.

⁹⁵ Борьба за Россию. 1926. № 3.

⁹⁶ Борьба за Россию. 1928. № 75.

темноты и шума в их квартирах и казармах, где часто на 3 человека приходилась одна постель, на которой спали по очереди⁹⁷.

Больничные кассы указывали на повышение заболеваемости рабочих и смертности в связи с тяжелыми жилищными условиями. Борьба с туберкулезом, как сообщали врачи, не могла дать никаких результатов, пока жилищные условия не будут улучшены.

Медицинские обследования дали следующие указания: согласно результатам осмотра рабочих московского района весной 1926 года, из 1585 освидетельствованных молодых рабочих 1120 (70%) оказались больными. Это представляло увеличение на 50% против прошлого 1925 года. В химической промышленности больных оказалось 77,6%, причем большая часть этой молодежи страдала туберкулезом⁹⁸.

При повышенной заболеваемости рабочих и при громадном росте числа несчастных случаев (число коих, например, в Донецком бассейне, в 1925 году, повысилось на 38% по сравнению с предшествующим годом, по данным 5-го Съезда горнорабочих), медицинская помощь была организована совершенно неудовлетворительно. Приемные покои и больницы пришли в разрушение за время революции, медицинский персонал, благодаря тяжелым материальным и моральным условиям существования, должен был в значительной своей части покинуть предприятия⁹⁹.

В результате, организация медицинской помощи на промышленных предприятиях крайне ухудшилась. V-ый Съезд горнорабочих, который проходил в Москве с 12 по 21 мая 1926 года, описывал ее в мрачных тонах: «Почти не осталось приемных покоев для подачи первой помощи на рудниках; больных и пострадавших от несчастных случаев приходилось часто перевозить на 6-7 километров от места работ для оказания первой помощи»¹⁰⁰.

⁹⁷ Труд. 1925. 25 ноября.

⁹⁸ Труд. 1926. 2 июля.

⁹⁹ Борьба за Россию. 1926. № 3.

¹⁰⁰ Труд. 1926. 22 мая.

В таких условиях случались частые смертельные исходы в дороге. На золотых приисках в Сибири совсем не сохранилось больниц и больных приходилось перевозить на расстояния до 1800 километров от рудников. Наконец, число врачей было совершенно недостаточно. Даже в Донецком бассейне на одного врача приходилось до 150 больных в день, кроме работы в больницах. Больным приходилось занимать место в очередях с 3-х часов утра, чтобы попасть на осмотр врача; иной раз им приходилось дежурить по 4-5 дней, пока они не попадут на прием. Данная информация представлена в Бюллетени международного бюро труда от 19-го июля 1926 года¹⁰¹.

Примечательно в этом случае письмо рабочего-швейника, который писал, что рост «производительности труда» в коммунистическом государстве достигался лишь усиленной эксплуатацией живой силы: «на кого ни посмотришь — работница или рабочий — болен туберкулезом, малокровие или сердце не в порядке. А сколько страдают нервным расстройством... Все — от страшного напряжения выработать норму». Большой иронией он отзывался о характеристике роли казенных профсоюзов. «На повестку дня ставятся все вопросы, кроме тех, которые жизни рабочего касаются. Всякие авиахимы обсуждаются (авиахим у нас поговоркой стал) вместо того, чтобы серьезно обсудить меры по охране нашего здоровья. Зато посылаем телеграммы и приветствия португальскому и другим иностранным союзам». Корреспонденция заканчивалась мольбой к еженедельнику сообщать об условиях труда иностранных рабочих: «может не нам их ругать, а им нас»¹⁰².

У эмигрантов сложилось представление, что, получая недостаточную оплату своего труда, русский рабочий жил в постоянной нужде, даже пока он имел заработок. Около третьей части прежнего состава русских промышленных рабочих, по подсчету газеты «Труд», имеющих рабочий стаж

¹⁰¹ Борьба за Россию. 1926. № 4.

¹⁰² Борьба за Россию. 1927. № 7.

в среднем 11,7 лет¹⁰³, не находили применения своему труду в национализированной промышленности.

Также по данным газеты «Труд»¹⁰⁴ только 16,9% из них получали пособия от Органов социального страхования; по подсчету Центрального управления социального страхования в 1926 году пособия выдавались около 25% безработным¹⁰⁵. Размер пособия был мал и после повышения в 1926 году составлял около 10 рублей в месяц на безработного квалифицированного рабочего в столицах и около 7 рублей в провинции; остальные категории рабочих получали еще меньше: 4-6 рублей¹⁰⁶.

Приплата на членов семейства выдавалась только в столицах и на Урале, притом в размере 1 руб. – 1 р. 50 коп. в месяц на человека; максимально выдавалась на 3-х членов семьи. Пособия от профсоюзов носили совершенно случайный характер и ничтожный размер, как отмечает автор статьи. Еще меньшее значение имела помощь, получаемая в виде заработка на «общественных работах», по недоразумению сохранивших свое дореволюционное название, хотя теперь в их организации никакие общественные элементы не участвовали, как это отмечали и советские газеты¹⁰⁷, сообщающие, что добрые 2/3 ассигновок не доходили до рабочих, поглощаясь организационными расходами¹⁰⁸.

«Борьба за Россию» сравнивала положение русских безработных, с английскими. В Англии пособие составляло 18-20 шиллингов в неделю на безработного, т. е до 40 зол. рублей в месяц; следовательно, в 4 раза больше, чем выдавалось в Москве в червонных рублях; кроме того, в Англии всегда выдавались соответственные приплаты на жену и детей¹⁰⁹.

¹⁰³ Труд. 1926. 20 мая.

¹⁰⁴ Труд. 1926. 25 мая.

¹⁰⁵ Экономическая жизнь. 1926. 10 октября.

¹⁰⁶ Борьба за Россию. 1927. № 7.

¹⁰⁷ Экономическая жизнь. 1925. 16 марта.

¹⁰⁸ Борьба за Россию. 1927. № 11.

¹⁰⁹ Борьба за Россию. 1928. № 104.

Говоря о безработице в СССР, стоит подробнее остановиться на статье «Втирают очки рабочему классу» в 1-ом выпуске «Борьбы за Россию». Эмигранты отмечали попытки советского правительства уверить рабочий класс в том, что современная безработица есть следствие аграрного перенаселения, а не советского режима в России вообще и в российской промышленности в частности¹¹⁰.

Этому вопросу официальная печать уделяла в 1926 году много места, особенно в связи с заявлениями оппозиции, которая, как можно понять из делаемых ей возражений, сводилась к тому, что советская власть не исполнила своих обязательств по отношению к рабочему классу, ибо не только не сумела дать этому господствующему, как заверяли коммунисты, классу в СССР достаточного заработка и человеческих условий существования, но добрую треть этого класса не смогла снабдить работой и обрекла её на голодное вымирание или деклассирование.

Аграрное перенаселение, стоит заметить, играло в причинах безработицы весьма слабую роль; оно существовало и до революции, хотя, может быть, и не чувствовалось тогда так остро, как к середине 20-ых гг., благодаря общему расстройству хозяйственной жизни страны. Но тогда это перенаселение отнюдь не создавало миллионных кадров безработных в промышленных центрах и районах. Совершенно напротив, быстро развивавшиеся перед войной отрасли промышленности, как, например, южная каменноугольная, вынуждены были прибегать к специальным мерам для привлечения рабочих. В 1913 году Советом Съезда Горнопромышленников Юга России было разослано по разным концам России свыше 1000 человек артельщиков для набора рабочих, так как представлялось необходимым за один год в одной только этой отрасли увеличить число рабочих на 75000 человек. Хотя и стесненные перенаселением в своей земледельческой работе,

¹¹⁰ Борьба за Россию. 1926. № 1.

крестьяне отнюдь не переполняли сами промышленных районов в поисках работы, а для их привлечения надо было тогда применять специальные меры.

Автор статьи абсолютно уверен, что ищущие работу крестьяне не могут наводнять столицы и промышленные районы и там регистрироваться в биржах труда, увеличивая число безработных за счет притекающих из деревни новых элементов, никогда к промышленности никакого касательства не имевших. Поэтому и причиной безработицы аграрное переселение быть не может. Тем более, что еще с 1924 года биржи труда получили строгое распоряжение от комиссариата труда¹¹¹ отличать «ищущих труда» от «безработных», причем, был указан особый стаж прежней работы, требующейся для каждой категории ищущих заработка иметь право быть записанными в разряд безработных. На основании этого распоряжения была произведена колоссальная «чистка» безработных, сведшая их число с 1 мил. 400 тыс. человек на 1-ое июля 1924 г. к 800 тыс. на 1-ое января 1925 года¹¹².

К 1926 году число безработных, отвечающих всем требованиям стажа, снова возросло и на конец апреля определялось цифрой в 1 мил. 182 тыс. человек, причем председатель Центрального Совета профсоюзов Михаил Павлович Томский, занимавший эту должность в 1922 – 1929 гг., авторитетно указывал в своем докладе на 15-ой конференции партии (26 октября – 3 ноября 1926 года), что «теперешние безработные все являются членами профсоюзов»¹¹³.

Это обстоятельство автор статьи также приводит как явное доказательство того, что эти безработные к аграрному перенаселению касательства не имеют, ибо ищущие труда крестьяне не могут записаться в профсоюзы. К этому надо еще добавить, что деревенская безработица, по советским официальным данным, выражалась в цифрах совсем иного порядка:

¹¹¹ Приказ Комиссариата труда от 1-ого ноября 1924 года.

¹¹² Труд. 1925. 11 июня; 27 июля.

¹¹³ Экономическая жизнь. 1925. 22 октября.

комиссариат земледелия насчитал, что около 5 миллионов человек крестьян не находили в деревнях применения своему труду¹¹⁴.

Следовательно, надо заключить, что кадры безработных членов профсоюзов того времени отнюдь не пополнялись новыми выходцами из деревни, и что не аграрное перенаселение является виной этой безработицы.

Одним из самых болезненных для эмиграции источников безработицы в советском государстве автор статьи видел в интеллигенции, которая при советском режиме оказалась не нужной. Еженедельник указывал цифру в 178 тыс. представителей интеллигенции, среди которых самую крупную категорию представляли лица преподавательского персонала. ««Сеющие разумное, доброе, вечное» должны были отойти прочь и дать место людям, проповедующим коммунистическую злобу и пороки» – эмоционально реагировала редакторская группа на это событие¹¹⁵.

Основная же масса безработных – рабочие, уже работавшие в промышленности. Данные советского «Сборника статистических сведений по Союзу ССР» за 1918-1923 гг. отдел VII, таблица 10-ая, «Численный состав рабочих и валовая продукция фабрично-заводской промышленности СССР за период 1913-1919 гг.» подтверждали, что число рабочих в 1913 году в пределах теперешнего СССР составляло 2 млн. 548 тыс. человек¹¹⁶. Во время войны, это число разросло за счет членов семейств рабочих, женщин и подростков. И еще в 1918 году, по данным той же 10-ой таблицы, в советской национализированной промышленности было занято 2 млн. 486 тыс. человек, ибо тогда большевики не решались увольнять рабочих, пока еще существовала белая армия, откуда недовольные могли ожидать поддержки. Советские кадры промышленных рабочих цензовой промышленности составляли всего 1 млн.

¹¹⁴ Экономическая жизнь. 1925. 27 ноября; 10 декабря.

¹¹⁵ Борьба за Россию. 1928. № 92.

¹¹⁶ «Сборник статистических сведений по Союзу ССР» за 1918-1923 гг.» отдел VII, таблица 10-ая, «Численный состав рабочих и валовая продукция фабрично-заводской промышленности СССР за период 1913-1919 гг.»

944 тыс. чел.¹¹⁷, т. е. на 600 тыс. меньше довоенного 1913 года и на 500 тыс. меньше 1918 года.

Эмигранты писали, что 600 тыс. рабочих, работавших до войны, остались безработными; к ним присоединились в качестве безработных женщины, начавшие работать во время войны, которые составляли в 1924 году свыше 30% общего числа безработных. Таким образом кадры безработных в основной своей массе состояли из промышленных рабочих, к 1927 году не нашедших применения своему труду. К этому суждению эмигрантов нужно относиться весьма скептически, не стоит забывать о жертвах, которые понес русский народ во время гражданской войны¹¹⁸.

Более рациональной являлась причина в общем падении промышленного производства, которое к моменту выхода журнала «Борьба за Россию» так и не достигло довоенного уровня, несмотря на усилия советского правительства.

Однако эмигранты вновь обвинили во лжи советскую власть, которая устами своих лидеров¹¹⁹ пыталась заверить, что производство цензовой национализированной промышленности дошло почти до уровня довоенного времени, достигнув ценности в 5 мил. 333 тыс. довоенных рублей (против 5 мил. 620 тыс. рублей, представлявших ценность продукции фабрично-заводской промышленности в 1913 году, согласно упомянутой таблицы 10-ой). Автор статьи отмечал, что эта ложь опровергается официальными цифрами, сообщенными в «Экономическом обозрении» и в «Экономической жизни» от 21-го октября, а также и в годовом отчете Громана Владимира Густавовича «О результатах 1925-1926 хозяйственного года»¹²⁰. В этих официальных отчетах можно найти, что ценность промышленного

¹¹⁷ Экономическая жизнь. 1926. 21 октября.

¹¹⁸ Борьба за Россию. 1926. № 4.

¹¹⁹ Экономическая жизнь. 1926. 23 октября.

¹²⁰ Экономическая жизнь. 1926. 1 октября.

производства за 1925-1926 г. определяется в цифрах 3 мил. 566 тыс. и 3 мил. 603 тыс. рублей, соответствующие 64% довоенного производства¹²¹.

Ложность утверждения, что производство национализированной промышленности достигло довоенного уровня, можно было бы усмотреть уже из того, что в цензовой промышленности в 1926 году было занято 1 мил. 944 тыс. рабочих, а до войны было 2 мил. 548 тыс. Между тем, даже советские лидеры, не решились утверждать, что производительность рабочего при советском режиме достигла довоенного уровня. Дзержинский в своем докладе на совещании Советов Народного Хозяйства 4-го декабря 1924 года сообщал, что производительность труда в советской промышленности такова, что на 100 рабочих, занятых в 1913 году, в 1924 году требовалось более 200 человек. Так что производительность труда была менее 50% довоенной¹²². После легкого улучшения в первой половине 1925 года эта производительность во вторую половину 1925 года снова упала и лишь к середине 1926 года снова поднялась до того уровня, на котором она была в мае 1925 года¹²³.

Следовательно, и рабочих в цензовой фабрично-заводской промышленности занято меньше, чем было до войны, и производительность рабочего меньше довоенной. Отсюда ясно, что промышленное производство не могло достигать довоенного уровня, как утверждало советское правительство. Как выше показано, оно составляет по ценности всего 64% довоенной продукции.

Из написанного выше можно сделать вывод, что если бы промышленное производство достигло довоенного уровня, т. е. повысилось бы в полтора раза против уровня 1926 года, то и число рабочих, занятых в промышленности, возросло бы на 1 миллион человек (предполагая сохранение промышленной организации 1926 года) и таким образом получили бы занятие все безработные члены профсоюзов.

¹²¹ Борьба за Россию. 1927. № 9.

¹²² Экономическая жизнь. 1924. 11 декабря.

¹²³ Экономическая жизнь. 1926. 24 октября.

«Итак, мы видим, что советская власть напрасно старается объяснить теперешнюю безработицу аграрным перенаселением — причиной, от советской власти прямо не зависящей. Истинная причина заключается в падении промышленного производства, являющемся прямым и непосредственным следствием коммунистического режима» — такими словами заканчивается статья¹²⁴. А трудность положения признают даже советские органы печати, напр. «Красная Газета» от 4-го июня 1926 года пишет по этому поводу: «Чтобы не умереть с голоду, безработный готов пойти на преступление, лишь бы попасть в тюрьму и таким образом получить квартиру и пропитание»¹²⁵.

Что касается отношения рабочих к национализации предприятий, то в последнем номере «Революционной России» было напечатано чрезвычайно характерное письмо из России¹²⁶. Пишет рабочий с лакокрасочного завода «по поручению целого кружка старых рабочих социалистов с трех разных заводов»: «Наше, старых социалистов, положение нелегкое. Заводские ребята о социализме не хотят и слышать. По-ихнему социализм — это вот и есть нынешние казенные заводы, и они обеими руками отмахиваются от того, что нас привело на социалистическое положение. Когда доходят слухи, что хотят частникам сделать крышку, наш завод становится, как растревоженный улей. Между госпредприятием и частником рабочий, — утверждает корреспондент, — всегда выберет частника»; перевод завода в казенный трест считается прямым бедствием. Первым делом, «снизят зарплату раза в полтора, а второе — загонят в пузырьки»¹²⁷.

В социалистической газете Германии «Форвертс» передавалось содержание доклада, сделанного в Гамбурге членом профсоюза Остермайером, входившим во вторую германскую делегацию в СССР в 1926

¹²⁴ Борьба за Россию. 1926. № 1.

¹²⁵ Красная газета. 1926. 4 июля.

¹²⁶ Революционная Россия. 1925. № 54.

¹²⁷ Борьба за Россию. 1927. № 56.

году. Несмотря на то, что ему показывали только те места и предприятия, которые подлежат обозрению, Остермайер пришел к безотрадному для коммунистической власти выводу: «Я должен откровенно признаться, что за всю мою жизнь, даже во время отбывания воинской повинности, я не чувствовал себя таким угнетенным, как в России». По впечатлению Остермайера, тяжелое положение русского рабочего не могло идти ни в какое сравнение с положением немецкого рабочего¹²⁸.

Эмигранты отмечали, что советское государство не дает рабочим элементарного права протестовать. «Своих некоммунистических газет он иметь не может; стачку объявить не смеет». Профсоюзы, которые теоретически призваны были защищать интересы рабочих, в СССР превратились в отделы коммунистической партии. Они признавали устами своего центрального органа ВЦСПС, что «стачка в национализированной промышленности есть акт контрреволюционный». Поэтому организаторы стачек тотчас попадали в ГПУ и несли все проистекающие от сего последствия¹²⁹.

Автор статьи отмечал, что в Англии шахтеры могли «невозбранно» бастовать более 6-ти месяцев с мая по ноябрь 1926 года, и никто из их вождей никак не пострадал, несмотря даже на то, что было доказано официально, что они действовали по советской указке на советские деньги¹³⁰. Однако здесь эмигранты проявили некоторую однобокость своих высказываний, ведь забастовка напрямую зависит от реальных условий в государстве. И если экономика Англии могла позволить себе рабочие волнения, то советское государство – нет.

Таким образом, на основании официальных советских данных эмигранты показали, что рабочие получали в СССР небольшое вознаграждение за труд — в 3-4 раза меньше, чем в других странах Европы;

¹²⁸ Борьба за Россию. 1927. № 9.

¹²⁹ Борьба за Россию. 1927. № 41.

¹³⁰ Борьба за Россию. 1927. № 9.

что охрана труда поставлена так плохо, что число несчастных случаев растет с каждым годом и уже в 3 раза превышала довоенные нормы; что медицинская помощь рабочим, заболевшим или пострадавшим от несчастных случаев поставлена непрофессионально; что жилые помещения рабочих пришли в полное разрушение и что рабочие вынуждены были жить в такой тесноте и грязи, что среди них развиваются всякие болезни и особенно туберкулез и, наконец, что рабочие лишены всяких прав и всякой возможности защищаться от коммунистической эксплуатации, так как всякое проявление недовольства грозит привести их в ГПУ. Эмигранты верили, что «русские рабочие в большинстве своем уже сознали это. Когда это сознание перейдет в согласованное и хорошо подготовленное действие, пробьет последний час коммунистической власти»¹³¹.

Также эмигрантами была затронута проблема ввязывания политики советского правительства в положение рабочих других стран, чье материальное состояние и условия жизни не нуждалось в поддержке советского правительства. Не одни только эмигранты сравнивали положение советского и европейского рабочего, советское также правительство регулярно проводило аналогичные сравнения как с европейским положением рабочего класса, так и с дореволюционным. В еженедельнике сравнения проводились по пропорциональному принципу: насколько изменилось положение рабочего в странах со времен Первой мировой войны, количественные показатели в общем сравнении не учитывались. Эмигранты обвиняли советское правительство в неспособности поддержать даже тот класс, на который опиралась вся их политика. Учитывая, что рабочий класс не был даже самым многочисленным, эмигранты обвиняли СССР в общей неспособности управлять государством и отсутствии понимания традиционных русских общественных процессов.

¹³¹ Борьба за Россию. 1928. № 88.

Эмигранты подчеркивали возросший бюрократизм на предприятиях, коррупцию и нерациональное распределение средств в административных аппаратах предприятий, в частности, деньги, которые выделялись на организацию безопасности труда, согласно показаниям советских рабочих, бесследно исчезали. Отдельно рассматривалась жилищная проблема рабочих, когда на одного члена семейства приходилось по 2,5 кв. м. жилой площади. Отсутствие у рабочих элементарного права протестовать также вызывало возмущение у народников-эмигрантов.

В защиту советского правительства нужно отметить, что оно не закрывало глаза на эти проблемы, признавало их и выдвигало пути решения. Виной многих проблем был советский народ, халатно относившийся как к работе, так и жилищу, так и семье.

ГЛАВА 2. ОСВЕЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ.

Традиционно считается, что право народов на самоопределение было одним из основных принципов большевистской политики, который до XX съезда КПСС именовался «ленинско-сталинская национальная политика». Теоретический подход в области национального вопроса, разработанный большевистской партией в предреволюционное время, во определил направления внутренней политики советского государства.

Из большевиков национальному вопросу впервые придал огромное значение В.И. Ленин, ощутив важность регламентации прав и свобод многочисленных народов тогда Российской империи. Да и в самой партии появилась возможность опасного дробления на национальные группировки. Ленин отмечал, что обязательное условие существования государства со многими нациями является их добровольное сотрудничество. В этом плане необходимо отметить «Критические заметки по национальному вопросу»¹³², которая наряду со статьями «О национальной гордости великороссов»¹³³ и «О праве наций на самоопределение»¹³⁴, выделяла основные принципы большевистской национальной политики: полное равноправие наций, право наций на самоопределение и единство рабочих всех наций. Не меньшее значение для национального вопроса оказал труд известнейшего представителя нерусского меньшинства в большевистской партии И.В.Сталина «Марксизм и национальной вопрос»¹³⁵, написанный в 1913 году по поручению Ленина. После этой статьи Сталин закрепился как главный специалист по национальному вопросу в партии. Там же, охарактеризовав

¹³² Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений: в 55-ти т. – Т. 24. – Москва, 1973. – С. 115-149.

¹³³ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений: в 55-ти т. – Т. 24. – Москва, 1973. – С. 119-162.

¹³⁴ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений: в 55-ти т. – Т. 25. – Москва, 1973. – С. 201-245.

¹³⁵ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения: в 18-ти т. – Т. 2. – Москва, 1946. – С. 290-367.

понятие «нация», он приходит к однозначным умозаключениям о необходимости территориальной («областной») автономий Польши, Украины, Литвы, Финляндии и Кавказа.

Говоря о национальном вопросе, невозможно обойти «Декларацию прав народов России», подписанную тогда уже председателем СНК от имени Российской Республики В.И. Лениным. Провозглашались «добровольный и честный союз народов России» и те принципы, которые указывались в вышеупомянутых статьях, вплоть до отделения областей как самостоятельных государств. Этим же советом в декабре 1917 года были объявлены независимость Украины и Финляндии, а месяцем позже провозглашена РСФСР.

В годы гражданской войны, по вынужденным причинам, началась частичная централизация всех советских республик. В частности, были объединены вооруженные силы и все основные звенья экономики и финансов. В течение 1918-1921 гг., благодаря деятельности Наркомнаца и в частности И.В. Сталина, были образованы автономные области и республики: Немцев Поволжья трудовая коммуна (1918), Башкирская АССР (1919), Татарская АССР, Карельская трудовая коммуна, Чувашская АО, Киргизская (Казахская) АССР, Вотская (Удмуртская) АО, Марийская и Калмыцкая АО, Дагестанская и Горская АССР (1920), Коми (Зырян) АО, Кабардинская АО, Крымская АССР (1921). Сталин подтвердил свою позицию о крупных государственных объединениях со своими национальными особенностями, но в составе России.

По проекту Сталина, предусматривалось вхождение всех республик в РСФСР на правах автономий. Ленин, после встреч с представителями республик, стал противником сталинского проекта. По его поручению, Л.Б. Каменев (тогда его заместитель), в очередном проекте заменил автономизацию, договорным объединением республик, что и было поддержано партийным пленумом. По рекомендации Ленина, новое государство было названо не Российской Федеративной Республикой, как было предложено Сталиным, а Союзом Советских Социалистических

Республик. Однако, смерть Ленина и партийное возвышение Сталина привело к последующей унитарной преобладающей форме советского государства.

Однако стоит обратить внимание на то, как эмигранты оценивали демократические преобразования советского правительства в национальном вопросе. В целом, русская диаспора считала, что таким образом большевики устанавливали партийный контроль над самостоятельными государствами, так как независимость новоиспеченных государств признавалась только при условии власти Советов, вспомним, например, ленинский «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде» (4.12.1917) или разгон Учредительного собрания. То есть централизация национальная, в глазах эмиграции, сменилась централизацией партийной¹³⁶.

Основные вопросы, которые интересовали эмигрантов – украинский вопрос, вопрос о предоставлении автономии казацким волостям и отношения Москвы и Прибалтики.

Обсуждение украинского вопроса в настоящее время является проблемой весьма актуальной, поскольку конфликт между государствами, недавно входящими в Советский Союз, создает серьезный очаг напряженности в Центральной Европе и на западных границах России.

Что же мы понимаем под украинским вопросом? С середины XIX века на территории Украины стала складываться самобытная государственность, народ начал идентифицировать себя как отдельную нацию со своими этнографическими и культурными особенностями, а украинское наречие было поднято до качества литературного языка. Эмигранты считали, что стремление и деятельность украинского народа к политической автономии и есть суть украинского вопроса.

Впервые статью об украинском вопросе мы видим на первой странице пятого номера газеты «Борьба за Россию» от 25 декабря 1926 года¹³⁷. Автором

¹³⁶ Раев М.В. Россия за рубежом / М. В. Раев. – Москва, 1994.

¹³⁷ Борьба за Россию. 1926. № 5.

статьи, название которой «Ненависть или примирение», был Сергей Петрович Мельгунов. Он начинает свою статью с двух отрывков из писем известного украинского деятеля Александра Фомича Саликовского¹³⁸, где последний упоминает письмо Костомарова к Аксакову и взгляды Герцена о принципе самоопределения народов, обвиняя нынешних демократов, в том числе Мельгунова, в «московском шовинизме». Сергей Петрович в своей статье никак не осуждает стремление украинского народа к национальной идентичности, он лишь призывает руководителей украинской политики пересмотреть методы ведения борьбы за свою самобытность, основанную на ненависти к русскому народу, на формировании образа России, как источника всех бед украинской жизни. Мельгунов отрицает всякий шовинизм, будь то украинский, будь то московский, называя его патологией: «Строить на ней здоровое национальное чувство нельзя» – пишет он. Саликовский же шовинизм оправдывает: «В такие исторические моменты, как наш, шовинизм народов, вырывающихся из цепей, является естественным, неизбежным и необходимым». Шовинизм – явление, поддерживающее право на дискриминацию и угнетение других народов. Александр Фомич сознательно защищал эту идеологию в обществе, которое жадно поглощало эти идеи и перекачивалось в их головах как одинокое «перекати-поле». «Для будущего страшны демагогия ненависти, проникающая в толщу некультурной, в силу этого легкообманываемой, среды» - пишет Сергей Петрович Мельгунов. А во взглядах Костомарова и Герцена, которые в качестве заповедей приводил Саликовский, нет ни слова о ненависти какого-либо из двух народов друг к другу, лишь «ясное сознание равноправности и своих собственных выгод». «Опомнитесь! Надо строить новую жизнь. Это можно сделать не призывом разрешить спор на поединке силою меча, а словом примирения, взаимного

¹³⁸ Соредатор журнала «Украинская жизнь», издаваемого в Москве на русском языке и знакомившего российскую общественность с украинскими проблемами, министра внутренних дел министра внутренних дел недолго просуществовавшей Украинской Народной Республики.

уважения и даже любви двух родных народов, тем словом, которое свойственно истинной культуре» – таким обращением к украинцам заканчивает свою статью эмигрант поневоле Мельгунов.

Следующим внес свою лепту в обсуждение украинского вопроса Александр Александрович Яблоновский, известный русский фельетонист и беллетрист, с присущей ему долей юмора и сарказма. Автор высмеивает убеждение ряда украинцев о принадлежности их к некоему народу «рутенев». Сам Александр Александрович так описывает этих украинских фанатиков: «В Киеве, во времена гетмана Скоропадского, я видел господ «рутенев» за работой. Они были насквозь пропитаны непримиримой, лютой ненавистью к России и ко всему русскому». Яблоновский также упоминает о газете «Відродження», где он вычитал, что «русские люди совсем не славянского происхождения, что это – «татарчуки». У них же он читал, что Лев Толстой был «старый порнограф». Это они площадной бранью осыпали русскую историю, русскую литературу, русскую науку и русский язык»¹³⁹.

Более подробно стоит остановиться на статье «Украинский вопрос»¹⁴⁰ Михаила Павловича Чубинского, российского юриста, родившегося в Киеве. Его отцом был известный этнограф Павел Платонович Чубинский, автор слов современного гимна Украины. Сам же Михаил Павлович всегда занимал умеренную позицию в русско-украинских отношениях и категорически отрицал любые крайние взгляды. В своей статье Чубинский называет украинский вопрос «одним из самых тяжелых, больных и опасных вопросов, требующих особо напряженного внимания. Никогда он ещё не стоял так остро...» – пишет Михаил Павлович. В подтверждение своих слов автор приводит цитаты известных украинских националистов того времени. «Борьба с Россией является нашим общим идеалом...» – говорил Дмитрий Донцов: «...мы можем только приветствовать всё, что ведет к упадку России, с чьей бы

¹³⁹ Борьба за Россию. 1927. № 11.

¹⁴⁰ Борьба за Россию. 1927. № 21.

помощью это не делалось». Ещё категоричней и непримиримей высказывается Андриевский: «Братом великоросс украинцу никогда не был и не будет, – говорит он, и уточняет, что Украина не освободится от гнета и жестоких насилий со стороны великороссов до тех пор «пока мы не оплатим ему той же самой монетой: око за око, кровь за кровь, где-нибудь в Москве или Петербурге». Автор отрицает любое проявление ненависти одного народа к другому, ставит в пример тех украинцев, которые ставили своими идеалами широкое развитие своей национальной культуры в братском союзе с Великороссией, построенным на началах свободы, демократии и широкой политической автономии или федерации. В качестве примера организации с такими идеалами он приводит Кирилло-Мефодиевское братство, в котором видное участие принимал Тарас Шевченко. Они вдохновляли и Кулиша Пантелеймона Александровича, и Костомарова Николая Ивановича, и сыгравшего столь видную роль в истории украинского движения, Драгоманова Михаила Петровича. Чубинский отмечает, что этим идеалам были верны более поздние украинские деятели, сделавшие огромный и всеми признанный вклад в дело развития украинской науки и литературы, как Лазаревский, Рудченко, Кистяковский, Житецкий, Науменко и отец автора, уже упомянутый выше, Павел Платонович Чубинский. Автор статьи предстает перед нами, как умеренный украинский националист, что придает особый интерес со стороны читателя к его точке зрения, защищает украинский язык и восхищается целой плеядой украинских писателей, отмечая особенности украинской литературы.

Однако несмотря на целый список умеренных украинистов, Чубинский признает, что ненависть к русским со стороны украинцев есть и имеет глубокие корни. Они связаны прежде всего с многолетним гонением, а порой и презрительным трактованием всего украинского со стороны русского правительства. Не уходя в далекое прошлое, он вспоминает категорическое высказывание министра внутренних дел в 1861-1868 гг. Валуева Петра Александровича: «Никакого малорусского языка не было, нет и не будет».

Здесь же знаменитые правила 1876 года, наложившие запреты на развитие украинской культуры, систематическое гонение украинского языка в школах, судах, войсках, церкви и т.д., дошедшее вплоть до запрещения переведенного на украинский язык Евангелия.

Соглашаясь, что такая политика логично привела к появлению злобы и ненависти, Чубинский отмечает, что с русского правительства ответственность была переложена на весь русский народ, что является огромной несправедливостью. Вместо ненависти к гнету и попиранию национальной свободы, стали проповедовать ненависть к России, необходимость отделения от неё. В этом, по мнению Михаила Павловича, и заключается главная ошибка украинцев.

Украинофобия и презрение ко всему украинскому со стороны русских, отмечает Чубинский, была лишь исключением, прогрессивные же круги русского общества сочувственно относились к украинскому движению. В качестве доказательства своих слов Михаил Павлович приводит статьи в таких журналах и газетах, как «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русские ведомости» и др. Отмечает ученых Корша, Шахматова и Мякотина, защищающих право украинского языка и право украинцев на свободное культурно-национальное развитие. Что интересно, главными врагами и гонителями украинства были не великороссы, а выходцы с Украины, такие как Юзефович, Пихно, Флоринский и Сивенко, отмечает автор.

Не отрицая возможности отделения Украины от России, Чубинский заостряет внимание на географическом вопросе, а именно, какие территории войдут в состав нового украинского государства. Идеологи украинской национальности того времени включают в свои границы и Крым, и Донецкий бассейн, и Кубань, и Черноморское побережье. И получение этих территорий мирным путем категорически отрицается автором статьи, ибо все они были присоединены совместными усилиями как великороссов, так и украинцев.

То есть подытожив, нужно отметить, что Чубинский полностью отрицал целесообразность разделения двух народов. Строительство будущей России

должен исключать всякий централизм и грубую унификацию. Народы, населяющие её территорию, должны иметь полную возможность жить в братском союзе, развивая свою самобытность и культуру в рамках самой широкой политической автономии. Только на этой почве может быть решен украинский вопрос, считает Михаил Чубинский.

Рассматривая статью Михаила Павловича, стоит упомянуть одно письмо из России, присланное неким С. Львовым и опубликованное в 32-ом выпуске еженедельника¹⁴¹. Господин Львов отмечает повсеместную украинизацию вывесок на территории УССР, называет украинский язык исковерканным русским, и негативно относится к тому факту, что город, использующий в своей речи только русский язык, принуждается к украинизации. Автор отмечает разрастающийся национализм и в других республиках и обвиняет в этом советское правительство за то, что дало возможность развитию этих националистических чувств.

Очевидно, что в течение XIX века на территории современной Украины стала складываться собственная государственность, с собственным языком и культурными особенностями. Подытожив написанное выше, можно сделать вывод, что русская эмиграция не осталась в стороне от проблемы русско-украинских отношений. Еженедельник «Борьба за Россию» выходил с 1926 года, поэтому в это время возможен был первый анализ результатов советской политике на Украине, а конкретно политики коренизации. Представители русской эмиграции были категорически настроены против любого конфликта двух братских, по их мнению, народов, стояла исключительно за мирное разрешение конфликта и общее развитие двух народов. А развивающийся украинский национализм только приветствовался, если он был направлен на взаимодействие и сотрудничество с русской культурой.

Очень примечательно, что большевики отмечали в своих работах, что царское правительство подавляло национальные культуры, но в ряде писем

¹⁴¹ Борьба за Россию. 1927. № 32.

имеется информация, что иногда эти меры национальной независимости были доведены до абсурда. Отмечается, что на Украине преследовалась русская национальность и русским детям приходилось обучаться на украинском языке. «Прошу редакцию помочь нашему родительскому горю» – писал один рабочий, дочь которого насильно заставляли учиться на украинском языке, которого она не знала. Училась она в школе, где 337 русских, 75 евреев, 46 украинцев и 29 прочих, т. е. 94% учащихся не знали языка, на котором велось преподавание¹⁴².

Как упоминают эмигранты, в течение 20-х гг. национальные чувства обострились и у казаков. Казаки, находившиеся за границей, не приветствовали отделения от России, и были абсолютно против казачьего сепаратизма. В Советской России же казаки разделились на сторонников и противников советской власти.

У противников были свои основания, отношения большевиков и казаков нельзя назвать любовными, тенденция к ликвидации казачьего сословия обнаружилась ещё на конференции представителей Кубанского комитета РСДРП и групп Северного Кавказа в июле 1905 года. В резолюции о работе среди казаков говорилось: «казачество является остатком военно-крепостных отношений, существование этого сословия в Кубанской области чрезвычайно задерживает экономическое развитие населения, подрывает благосостояние самих казаков и развращает их». Выводом конференции, в работе которой принимали участие и казаки-делегаты: «провести самую широкую агитацию за уничтожение сословия»¹⁴³.

В начале 1920-х гг. большевики осуществляли политику всеобщего притеснения казачьей общности методом лишения казаков политических и гражданских прав, повышенного налогообложения казачества, значительного ограничения его участия в общественной жизни. Обо всем этом открыто

¹⁴² Борьба за Россию. 1927. № 11.

¹⁴³ Футорянский Л. И. Проблемы казачества: рассказывание // Вестник ОГУ. — 2002. — Вып. 2. — С. 43–53.

говорилось в официальных выводах специальной комиссии ЦК РКП(б) по изучению вопроса о положении казачества.

В 1925 году в материалах апрельского пленума ЦК РКП(б) говорилось о недопустимости «игнорирования особенностей казачьего быта и применения насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций». Несмотря на это, многочисленные этнические особенности казаков причислялись лишь к проявлениям казачьей сословности, но никак не проявлению национальной идентичности¹⁴⁴. Неудивительно, что на этой почве у некоторых казаков мог прорасти казачий сепаратизм.

Но казаки-эмигранты были твердо уверены, что все казачьи волости стремились к возрождению Российского государства, снова стать свободными гражданами свободной России и хозяевами в своем собственном доме и установить в нем порядки, которые по душе самому казаку, а не чуждой казачеству коммунистической партии. «Находясь вдали от Родимого Края, мы, ушедшие на чужбину, все время думаем о нем; все наши мысли и стремления направлены туда, в Россию, где остались милые нашему сердцу, на Батюшку Тихий Дон, на Вольную Кубань и Бурный Терек» – писал известный в казачьих кругах казак Н.М. Мельников. Цель их жизни и работы была восстановить вольности казачьи. Казаки за границей были уверены, что казачьи края, составлявшие неотъемлемую составную часть единой России, будут вольными лишь тогда, когда «вся Россия сбросит с себя насильников и станет освобожденной»¹⁴⁵, и что освобождение казачества теснейшим образом связано с освобождением всей страны. Однако казаки, оставшиеся на Дону, так не считали, т.к. свежи в памяти были отношения царского правительства к казакам. Это было связано с возникновением национального сепаратизма в некоторых казачьих кругах¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Незвинская Л.М. Казачий Дон: пять веков воинской славы / Л. М. Незвинская. – Москва, 2015.

¹⁴⁵ Борьба за Россию. 1928. №75.

¹⁴⁶ Венков А. В. В чём же казачий вопрос? // Дон. — 1990. — № 2. — С. 140–141.

Казачество, и те казаки, которые ушли на чужбину, и те, что остались на Родине, с доверием приняло февральскую революцию, ибо она принесла осуществление вековых надежд казачества и восстановила законодательный по местным делам Войсковой Круг (Раду) и выборного из казаков Войскового Атамана. Октябрьский переворот все это отнял: и те права, которые были у казаков при старом режиме, и все то, что добавил февраль.

Эмигранты-казаки знали, что пережили на родине при советской власти казаки, как тяжело было казакам после их эмиграции, когда большевики пытались упразднить само слово «казак» и станицы переделать в волости, как много казаков погибло в тюрьмах и ссылках; что пережили казаки в кошмарном 1921 году¹⁴⁷. И этим сочувствием казаки-эмигранты пытались получить доверие своих земляков. Пришлых завоевателей казаки называют «набродом», которые незаконно, по их мнению, хозяйничают на казачьей земле, отрезая целые округа и присоединяя их к соседским губерниям. Все средства борьбы считались большевиками допустимыми в отношении казачества, особенно в эпоху военного коммунизма. Власть мстила казачеству за непризнание её и за то, что казачество взялось за оружие, чтобы бороться за свою свободу и свободу всего русского народа, за восстановление попорченной родины, за честь и достоинство всего государства Российского. Само имя «казак» выводилось из употребления, станицы переименовывались в волости, управление в казачьих краях отдавалось в руки коммунистических сатрапов, не имеющих ничего общего с населением. Так видел большевистскую власть другой видный казак Минаев. Он был уверен, что казаки почти полностью отвоевали у власти свое естественное право на самоуправление в казачьей станице¹⁴⁸.

Недовольны казаки-эмигранты и тем, что крепкие хозяйственные казаки объявлены «кулаками» и лишены прав гражданина или ограничены в этих

¹⁴⁷ Борьба за Россию. 1927. № 31.

¹⁴⁸ Борьба за Россию. 1928. № 68.

правах; что войсковые запасные земли, предназначенные служить для дополнительной нарезки малоземельным станицам, отняты у казаков и отданы в распоряжение «завоевателей» или иностранцев; казаки устранены от управления в родном краю и там, как, например, на Дону, вместо казаков казачьими делами управляли псевдонимы Орлеанский и Воронежский или такие «казаки», как Штиллер и Гофман. Упомянув лозунг советской власти «лицом к казачеству», в еженедельнике отмечают, что казаки не поверили ему, на опыте испытав безграничность советской лжи¹⁴⁹.

Советская власть, как мы видим в начале главы, объявила о свободе народов в СССР, но, учредив всевозможные республики и автономные области, сделала вид, что казаков как будто и не существует, и даже не объявили казачье имя в числе автономных областей. Казаки в своих кругах считали, что советская власть поворачивается лицом лишь тогда, когда ей нужно ограбить казака, которого она душил непосильными налогами, делающими невозможным ведение хозяйства. От этих налогов страдает и коренное крестьянство казачьих краев, его интересам угрожают «завоеватели», поэтому среди казачества изживается старая рознь и казачество совместно с коренным крестьянством стремится избавиться и от коммуны, и от «наброда». «Это объединение надо раздвигать и дальше, за пределы родины, и, не довольствуясь одним взаимным пониманием, установить связь и с зарубежным казачеством» – призывает земляков в своей статье один казак¹⁵⁰.

Казаки за границей объединились в Казачий Союз и поставили себе целью оказать содействие восстановлению казачьих краев в их прежних границах, возрождению былого значения и силы казачества, возвращению казачьих прав и казачьего народоправства. Из Европы они объявляют, что имеют с оставшимися одни цели, призывают объединиться. Тем конфузливее

¹⁴⁹ Борьба за Россию. 1929. № 121.

¹⁵⁰ Борьба за Россию. 1928. № 96.

было положение власти, когда пришлось делать поворот «лицом к деревне», в частности, «лицом» к казачьей деревне. «Рабоче-крестьянская» власть должна была «разрешать» казакам носить, к примеру, платье привычного покрова¹⁵¹.

Состояние борьбы является здесь неизбежным еще в силу крайне несправедливого и возмутительного разрешения большевистской властью земельного вопроса у казаков. Казачество с наименьшей остротой ожидало от революции разрешения в пользу трудового населения земельного вопроса, как и крестьянство. Существовавшее мнение о казачьем многоземелье должно было рассеяться при свете статистики. По данным переписи 1916 года, опубликованным уже большевиками, на Кубани, например, средний размер земельного довольствия казаче-крестьянского хозяйства был 6,2 дес., в то время как в соседней неказачьей Ставропольской губернии он исчислялся в 11,8 десятины, а в Европейской России, при общепризнанном малоземелье, было 4 десятины на двор¹⁵².

Перед революцией в некоторых районах казачьих краев можно было наблюдать признаки земельного голода с его типичными последствиями; упадком хозяйств, обнищанием населения и т. п.

В те немногие годы 1918 — 1920 после революции, когда казакам удалось освободиться от власти большевиков, они приступили к разрешению у себя большого земельного вопроса, руководствуясь исключительно соображениями целесообразности и справедливости. Уничтожая постановлениями Кругов и Рады крупную частную земельную собственность, они постановляли о необходимости подкрепления из образовавшихся земельных фондов, сложившихся в Крае, земледельческих хозяйств: казачьих, крестьянских, горцев и пр.

У себя дома казаки стремились осуществить то, что, по их соображению, необходимо было сделать во всей России в отношении всего российского

¹⁵¹ Чернопицкий П. Г. О судьбах казачества в советское время // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. – Краснодар, 1992. – С. 83–95.

¹⁵² Борьба за Россию. 1928. № 86.

крестьянства. Именно это решение обеспечивало казакам, по их мнению, одобрение их действий со стороны Всероссийского Учредительного Собрания. Большевицкая власть, принеся с собою в казачьи края всю свою демагогию, применила в отношении земельного вопроса первоначально свои декреты о «социалистическом землеустройстве» и о «государственном регулировании сельского хозяйства»¹⁵³.

Имеется теперь свидетельство самих же большевиков о тех вопиющих результатах, какие дала земельная политика в казачьих краях. В сборнике «Как живет и чем болеет деревня юго-востока России» рассказывается о воцарившейся путанице в казачьих станицах. Земля из общественного фонда раздавалась без всякой системы¹⁵⁴.

— Из 52000 десятин юрта, например, станицы Ильинской в 1922 году засеивалось всего 5000 десятин, а в 1923 году — 7000 десятин. В 1917 году в пользовании той же станицы было 30657 десятин, из них под пашней 29073 дес. Через Казачьи Края прокатилась волна голода и все сокрушительные его последствия.

Советский земельный кодекс¹⁵⁵ (30 октября 1922 года) содержал основное враждебное казакам начало: он нарушил казачью земельную автономию. «Земли казачьи были освоены казаками в седую старину в пространствах, куда до них еще не проникла российская государственность» — возмущаются в еженедельнике — «Эти земли, в буквальном смысле слова, омыты кровью старших казачьих поколений. Хозяйственный порядок заведен на них впервые казаками. Казаки при этом доказали свою способность к сельскохозяйственному прогрессу, как в смысле усвоения более совершенной сельско-хозяйственной техники, так и в смысле производственного роста своих хозяйств»¹⁵⁶.

¹⁵³ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.) — Ростов-на-Дону, 1997.

¹⁵⁴ Борьба за Россию. 1928. № 66.

¹⁵⁵ Советский земельный кодекс. 1922. 30 ноября.

¹⁵⁶ Борьба за Россию. 1929. №130/131.

В земельном кодексе они объявили все земли, следовательно, и казачьи, отошедшими в общегосударственный фонд, а из него лучшие куски они стали выделять под особый вид коммунистическо-помещичьего землепользования: совхозы и колхозы. О практике последних даже в пристрастной советской прессе не однажды отмечалось все типичное, что свойственно плохим помещичьим хозяйствам: 1) сдача в аренду соседним крестьянам земли по высоким арендным ценам; 2) общая убыточность; 3) разгул и пьянство владельцев новых поместий; 4) небрежность и нерадивость в ведении хозяйства; 5) запущенность и одичание сотен десятин прекрасной земли и т.п.

Советский кодекс (ст. 141)¹⁵⁷ закреплял, как известно, «за волостями, селениями и другими сельскохозяйственными объединениями количество земли, ныне (в 1922 году) находящееся в их фактическом пользовании». Казаки и другие земледельцы казачьих краев могли бы, казалось, быть спокойными хотя бы за искони обрабатываемые ими, так называемые, юртовые земли. А ст. 46-ая того же закона как будто бы ставила в зависимость от решения так образованных «земельных обществ» прием в них новых членов, т.е. уступка ими части своей земли новым пришельцам¹⁵⁸. Но это только буква закона. Совершенно враждебной оказалась, однако, большевистская практика применения закона в казачьих краях. Путем «выявления» всяческих «поправок» на пленумах краевых исполкомов право казаков на ограждения от захвата другими их земель было сведено к нулю. Коммунистическая партия пользовалась случаем, чтобы превратить борьбу различных групп населения станицы из-за земли в классовую борьбу, результатом которой должно было быть вящее ущемление казаков и издевательство над ними. Из разных концов России, из Сибири, с Урала, как повествовалось, например, на 3-м пленуме Северо-Кавказского Исполкома, в

¹⁵⁷ Советский земельный кодекс, ст. 141.

¹⁵⁸ Советский земельный кодекс, ст. 46.

казачьи края текли волны переселенцев и, приходя, захватывали казачьи земли. Казаков же — одних выселяли, других заставляли «сжиматься»¹⁵⁹.

Таким образом, казаки на территории СССР разделились на тех, кто стремился к независимости и на тех, кто поддерживал советскую власть. Национальная же идентификация казаков не вызывала сомнения ни у тех, ни у других. Казаки ссылались на старые атласы, в которых территории казаков обязательно выделялись отдельно, как напр. «Земля Донских казаков», на самостоятельное ведение внешней политики казаков, на военную историю, культурные и языковые особенности, самые радикальные ссылались на создание независимого казацкого государства в 1918 году. Эмигранты-казаки не видели ни независимого будущего казаков, ни будущего в составе советского государства, единственным возможным путем развития являлось для них возрождение России с казацкими вольностями образца февральской революции.

К 1926 году прошло семь лет со времени провозглашения независимости прибалтийских республик, в течение которых им пришлось положить не мало труда и сил на укрепление своей самостоятельности и на отражение целого ряда враждебных посягательств.

Трудно сказать, на долю какой из этих республик выпало наибольшее количество потрясений. Несомненно, что удары, сыпавшиеся в первые годы их существования, не раз грозили полным крушением их независимости, и только взаимная поддержка и сознание общности интересов помогли выйти из тяжелого положения.

Самым серьезным из этих ударов было вторжение в 1919 году большевиков после ухода германских оккупационных войск. Большевистское правление в Эстонии продолжалось, однако, недолго. При поддержке со стороны Англии деньгами и оружием и со стороны Финляндии присылкой волонтеров и предоставлением займа Эстонии удалось не только освободиться

¹⁵⁹ Борьба за Россию. 1926. № 3.

от красного нашествия, но и оказать впоследствии большое содействие соседней Латвии, где большевикам удалось укрепиться на целых шесть месяцев.

«Только освободившись от большевистской опасности, новые государства получили возможность спокойного существования. В течение последнего времени было потрачено не мало кропотливого труда, чтобы утвердить свою национальную культуру» – пишут эмигранты и ставят в пример эти народы русскому.

Сознание своей национальной самобытности и явилась той опорой, благодаря которой создано государственное здание прибалтийских государств, и которая является наиболее сильным орудием в их руках для защиты своей страны от возможных посягательств¹⁶⁰.

Таким образом, народники-социалисты положительно относились к различным проявлениям национальной самоидентификации народов, поддерживая основные принципы права на их самоопределение. К национальной политике большевиков эмигранты относились скептически, считая её централизацией партийного характера.

¹⁶⁰ Борьба за Россию. 1927. № 11.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО БЫТА НА СТРАНИЦАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА.

Образ советского быта эмигранты выстраивали из писем, которые им поступали в редакцию из Советской России. Часто авторы этих писем скрывались под псевдонимами, так как была большая вероятность, что письма не дойдут до адресата, что причинит большие проблемы отправителям. Редакция публиковала письма, отправленные непосредственно им, и письма из других эмигрантских газет, напр. меньшевистской газеты «Социалистический вестник», издаваемой в то время в Берлине¹⁶¹.

Основной проблемой, касающейся жителей советской государства, авторы писем называют недостаток жилых помещений и невозможности получить «приличную квартиру». Причем проблема эта касается как партийных деятелей, так и беспартийных граждан. «Даже «ответственные партийные работники» имеют обыкновенно не более одной комнаты на человека, а все остальные пользуются лишь правом на так называемую «жилплощадь» и нередко вынуждены жить в грязи, сырости, холоде и «в ближайшем соседстве с «негласными осведомителями ГПУ», а то и просто с преступниками и проститутками»¹⁶².

В городах люди жили в бесчисленных жилищных товариществах в «заселенных до отказа квартирах». «Жизнь в нашем городишке едва ли чем отличается от жизни в других подобных городах. Такие же каменные двухэтажные дома, битком набитые жильцами, такие же полуразрушенные заборы и такая же непролазная грязь на совершенно разбитых улицах» – писал в одном из писем некто Сергеев¹⁶³. Жители ютились по тесным комнатам по две, три семьи на небольшую квартиру. «Живем грязно, убого» – писали жалобное письмо в еженедельник, хотя грязь в доме, подсказывает здравый смысл, является проблемой сугубо личной, здесь советское правительство

¹⁶¹ Социалистический вестник. № 86; № 96 и др.

¹⁶² Борьба за Россию. 1928. № 56.

¹⁶³ Борьба за Россию. 1927. № 7.

никакой роли не играет. Мебели в квартирах мало, многие не имеют кроватей и стульев, спят на досках, сидят на ящиках или деревянных чурбанах, ибо старый стол стоил 15-18 рублей, что не могла себе позволить среднестатистическая семья. В каждой квартире обязательно имеется портрет Ленина, «так, на всякий случай, во избежание возможных недоразумений».

Отмечается, что в городах нет достопримечательностей, повсюду разбросаны куски бревен и кирпичей «из которого советское правительство будет строить коттеджи с проведенной водой, электричеством и небольшим садиком» – шутят статье. На столбах периодически висят плакаты, на которые из местных жителей никто не обращает внимания.

На улицах люди имели «жалкий» вид. До крайностей поношенные платья, по преимуществу френчи из грубого самотканого сукна, лапти-пятерни, чуньки и лоскутные туфли. Только в более крупных магазинах можно было найти кожаную обувь, цена которой от 35 до 45 рублей. Отличить человека зажиточного и бедняка совершенно невозможно. «Равенство действительно полное. Равенство нищеты и рабства». Однако коммунисты всё же имели кое-какие побочные доходы: «одни – взятки, другие – вымогательства под разными предлогами». Особенно тяжело приходилось интеллигентным труженикам, громадное большинство которых жило в самых отчаянных условиях. Жалование в 50 рублей считалось приличным, «хотя на него можно только не умереть с голоду»¹⁶⁴.

В другом письме упоминался городской базар, который проводился раз в неделю по воскресениям. «Из окрестных деревень съезжаются крестьяне. Всюду возы с лаптями, капустой, картофелем. Много гусей, кур, свиней, но еще больше пьяных. Пьяные шатающиеся по базару красноармейцы, продающие с рук различный товар, пьяны милиционеры, пьяные мужики у возов. Вид у этих мужиков самый жалкий». Внешний вид невзрачен, лапти, рваные армяки, подпоясанные обрывками веревки, грязные, грубого холста

¹⁶⁴ Борьба за Россию. 1930. №162/163.

рубахи. На базаре много воров, поэтому постоянно вспыхивают крупные скандалы, нередко кончающиеся всеобщей свалкой. Иногда базар посещают бандиты, тогда мужики прячутся под возами, покупатели в панике разбегаются во все стороны. «Начинается стрельба, спешно стягиваются отряды милиции, базар оцепляется и превращается в поле сражения».

Бандитизм и хулиганство, отмечали в письмах, развит повсюду. Ставили в пример пригород «Новый Поселок», куда никто не заглядывал даже днем. В пример хулиганства ставили Железнодорожный клуб имени Ленина в неизвестном, опять же, городе, и рассказывали о драке, произошедшей там 21 ноября 1926 года. В результате побоища несколько человек было убито и много ранено.

В одном письме была описана следующая особенность советского быта: если советский гражданин, являвшийся обладателем жилой площади, желал пригласить к себе домой десять знакомых человек, то он обязан был заранее сообщить своей «домоуправе» список гостей по именам и цель собрания. «Можно написать, например, «на кулебяку» или «поиграть на фортепиано», и никто из начальства не усмотрит в этом ответе ничего юмористического» – писал автор письма под псевдонимом «Одинокий». Если же гостей предполагалось 15 человек или более, то о таком собрании должно было быть заранее уведомлено местное милицейское управление, которому должен был доставлен полный поименный список гостей. Если число гостей предполагалось менее десяти, то предварительного заявления не требовалось, но на «домоуправу» возлагалась обязанность представить на другой день в милицейский участок список гостей и рапорт о действиях и разговорах собирающихся. Автор письма уверен, что «при скученности жильцов и большой бесцеремонности в отношениях, вы можете быть вполне уверены, что один или два «негласных осведомителя», а то и просто любителей этого

дела, будут тереться около ваших гостей в расчете получить небольшую мзду «за осведомление»»¹⁶⁵.

Некоторым людям поступали предложения стать осведомителем. «Когда я вошел в кухню, незнакомец попросил меня выйти на лестницу, сам плотно прикрыл за нами дверь и таинственно передал мне печатную повестку с прописанным в ней моим именем с приглашением на следующий день явиться к 10 часам в ГПУ к следователю» - так писал об этом неизвестный автор письма на страницах газеты. Доносчиком мог стать любой гражданин и «типичные профсоюзники с портфелями», и «простоватые на вид молодцы из рабочих», и «интеллигентные мужчины или элегантные дамы». Несмотря на давление со стороны ГПУ, была возможность отказаться от предложения стать осведомителем.

В еженедельнике отмечали, что при таких условиях возникают трудности в контрреволюционной деятельности. Насколько большевики старались организовать и сплотить свои собственные кадры в виде компартии, комсомола, пионеров, коммунистических ячеек и октябрят, настолько систематично и беспощадно они подавляли попытки «организации беспартийных».

Любое общественное объединение, как сказано в другом письме, должно было иметь отношение к партии. Даже спортивные объединения, общество любителей рыбной ловли, шахматной игры, или нумизматики, поддавались большим затруднениям в их организации и подвергались негласному надзору. Единственными якобы беспартийными объединениями являлись профессиональные союзы и кооперативные товарищества, но на практике и профсоюзы, и кооперативы являлись по существу органами правительственного надзора, а обычные граждане, которым удавалось туда

¹⁶⁵ Борьба за Россию. 1927. № 3.

попасть, находились в ничтожном меньшинстве, и под непрерывным наблюдением подозрительных глаз¹⁶⁶.

В другом письме сказано, что общественной жизни, не говоря уже о политической, в городе не было никакой, и даже никаких попыток в этом направлении не делалось. Отнята была возможность свободного посещения церквей. Официального запрещения не было, но после того, как местная комячейка вздумала отмечать посещающих церкви рабочих и служащих, храмы сразу опустели. Однако в одном письме упоминалась ветхая часовенка на Казанском кладбище, где почти ежедневно происходили службы. Неведомые люди тайком заказывали молебны и панихиды, а старейший священник подолгу молился перед алтарем. «Коммунисты оставляют эту часовенку в покое, но если бы они и явились сюда, то пойманные ими с поличным люди, легко могли вывернуться, сказав, что приехали на кладбище погулять» – отмечали в «Борьбе за Россию». Само кладбище производило унылое впечатление. Деревянные кресты пошли на топливо, а каменные и мраморные плиты разворованы.

Особое внимание эмигранты-народники уделяют жизни крестьянства и деревни, т.к. именно в них видели основную свою поддержку и основную «ячейку» русского социализма. Основной проблемой сельской местности они видели в разобщенности деревень и их изоляции от внешнего мира. «Большинство деревень разобщены с другими деревнями едва ли менее, чем во времена татарского ига» - приводилось сравнение в еженедельнике. Каждую весну и каждую осень дороги делались абсолютно непроездными, и общение с внешним миром прекращалось. Зимой сообщение затруднялось метелями и заносами, а летом все силы и все время уходило на полевые работы, поэтому люди были политически пассивны и не интересовались тем, что происходило вне их местности. Всякий деревенский житель жил для себя и для своего хозяйства и не думал о постороннем, в деревне считали, что «для

¹⁶⁶ Борьба за Россию. 1929. № 112.

мужика всякое начальство убыточно». Автор отмечает, что хозяйственные крестьяне относились враждебно и презрительно к сельсоветам, но не решались им открыто прекословить. Исконный сельский сход остался в полной силе и вершил на практике все дела, как было и раньше, а чиновники сельсовета, «вербующиеся обыкновенно из худших элементов», были заняты служебной перепиской и вымогали мелкие взятки с хозяйственных крестьян, чтобы не писать на них доносов¹⁶⁷.

Главная разница между сельсоветом и сельским сходом заключалась в том, что все члены сельсовета «избирались» из коммунистических кандидатов по рекомендациям приезжего комиссара. В сельском же сходе имели право участвовать только самостоятельные домохозяева, или главы хозяйств по одному от каждого двора. Участвовать в сельском сходе могли и женщины.

По престольным праздникам деревня наполнялась гостями и водкой, все перепивались, и совершались «по пьяному делу» расправы с неугодными деревенскому мужику личностями. Трудно было найти такую деревню, где в течение года не было бы заколочено до смерти несколько селькоров, коммунистов, конокрадов и тому подобных «рачителей». Эти же данные подтверждаются и официальной советской прессой.

Проблема с алкоголем преимущественно передалась от царского правительства к советскому. В письмах отмечалось, что в деревнях было распространено самогонварение, на предприятиях часто употребляли материалы, которые не предназначены были для приема внутрь, об этом же факте свидетельствовал в своем дневнике К. И. Чуковский. В день получки многие женщины с детьми встречали непробиваемым строем своих мужей с зарплатой, чтобы те не могли её «обмыть» в первый же день¹⁶⁸. От «рыковки», так называли советскую водку, каждый год умирало всё больше людей. Среди пролетария потребление алкоголя выросло в 8 раз за 1924-1928 гг. В причинах

¹⁶⁷ Борьба за Россию. 1929. № 101.

¹⁶⁸ Петроградская правда. 1922. 22 сентября.

такого положения дел всё чаще обвиняли советскую власть и разочарованием от общего положения дел. Советская власть всеми силами боролась с пьянством и, как покажет время, в этой области тоже добились результатов.

В первые годы большевизма такие расправы вызывали жесточайшие репрессии, вплоть до массовых расстрелов и сожжения деревень. К 1926 году такие события больше не вызывали у ГПУ особых переживаний, т.к. эти происшествия, по общему счету, не имели никакого отношения к контрреволюционности, а являлись просто бытовыми скандалами. «К тому же ответственные партработники и не посещают деревенских престольных праздников, а, если избивают всякую мелочь вроде селькоров и членов сельсоветов, то это мало интересует ГПУ. Такого народа всегда довольно найдется, нечего из-за этого беспокоиться» – сообщал еженедельник «Борьба за Россию». Единственным критическим моментом в деревне являлись месяцы сбора налогов, но в таких случаях правительственные сборщики имели при себе достаточную охрану¹⁶⁹.

В другом письме приводился пример одной сельской учительницы, которая пригласила автора письма погостить в деревню. Она не могла пригласить его к себе, так как сама жила то в одном доме, то в другом, в качестве натуральной повинности. Она уверила автора, что «всякий в деревне будет рад приютить и никто не пожелает взять лишнего. Сама учительница представляла из себя «нового просветленного», как выразился безымянный автор, человека. «Жизнерадостная, свежая, подвижная, энергичная, она была довольна всем, и своей школой, и учениками, и мужиками, и деревенской глушью». Автор удивлялся самоотверженности и оптимизму этой женщины, которая работала на пользу других, довольствуясь крайне ничтожным вознаграждением. Однако, на этом позитивные эмоции автора закончились.

Первым удивлением была нерегулярность работы почты, которая жителей деревни только радовала. «Чем меньше их получаем и отправляем,

¹⁶⁹ Борьба за Россию. 1926. № 5.

тем лучше. Мало ли, что вы напишете и что вам напишут, а потом отдувайся». Продовольственной лавки в деревне не было, жители привыкли обходиться своими средствами. Несмотря на то, что эта деревня находилась на расстоянии нескольких часов по железной дороге от столицы, автор называл её «столичной тайгой», так далеки от протекающей в СССР жизни показались ему жители деревни. Извозчиков, которые раньше толпились вокруг железнодорожной станции, не было. Вместо этого, начальник станции допрашивал приезжающих относительно их деятельности, целей поездки и знакомых в деревне.

Жители того времени отмечали, что во всех советских газетах писали, что «по завету Ильича» вся Россия будет электрифицирована, а в действительности электричество действовало с перебоями даже в столицах, трамваи иногда по часам стояли на улицах с пассажирами в ожидании возобновления тока. Недовольство властью проявлялось, но особых различий между правительством царским и большевистским центральные деревни не наблюдали.

По-другому дело обстояло в более дальних от центра деревнях. События в Псковской губернии, описанные неким Е.В. Таврогиным были явное тому подтверждение. «Назревало они давно, подобно тому, как волнения эти назревают сейчас по всей крестьянской России» – пишет он. Возбудителем в этом отношении являлось само правительство в лице местной власти, которая при наличии крайне невыдержанной и довольно сумбурной системы, постоянно сбивающейся с «кулака» на «бедноту» и обратно, действовала, руководствуясь главным образом не столько самой системой, сколько реальным соотношением сил. Эта власть заигрывала с «кулаком» там, где последний имел решающее значение, и шло на уступки бедным слоям населения в тех местах, где это диктовалось соображениями личной выгоды и безопасности. Чаще же всего приходилось угождать и тем и другим¹⁷⁰.

¹⁷⁰ Борьба за Россию. 1928. № 56.

Но порою неожиданные директивы из центра в корне ломали наладившиеся было отношения, что в середине 20-ых годов в связи с неудачей хлебного экспорта и растущего влияния, оказываемого мужиком на весь внутренний рынок, происходило довольно часто. Конфликт произошел в селе Балищино, Островского уезда, причиной конфликта стало воровство крестьянского льна коммунистами на ссыпном пункте, не способными за него заплатить. В итоге всё закончилось избиением коммунистов, которые успели сохранить свой товар. Далее в деревню пришел отряд войсковой части ГПУ и убили безоружных мужиков. «Злополучный лен в конце концов все же очутился в руках советского правительства, но расчет за него был произведен не червонцами, а свинцом» – закончил своё письмо С. Е. Таврогин¹⁷¹.

В другом письме писали, что отношение крестьян уезда к власти и коммунистам было резко отрицательное. «Как в петле живем» — жаловались крестьяне. Особенной ненавистью крестьян пользовались местные совхозы, сохранившиеся в наиболее ценных имениях. Крестьяне с завистью поглядывали на принадлежащие совхозам земли, которые никакой пользы в настоящее время никому не приносили. Совхозы эти явно разваливались, так как «хозяйство в них велось безо всякой системы группой тунеядцев, неспособных к выполнению порученной им задачи – создание показательного сельского хозяйства». В письмах отмечалась явная безалаберность этих крестьян: «живут, как трутни, благо есть на что жить».

Также в статье было отмечено такое явление в деревне, как передел имущества бывших господ по жребию. Одной семье, в которой остановился автор письма с псевдонимом Н.Н., досталась дорогая шуба «соседнего баринушки». Деревенские жители считали, что раз по закону положено, что у всех имущество должно было быть равным, значит всё правильно. «Делили по совести, никого не обижали, а если не могли разделить вещь какую, то метали жребий». То есть никаких сомнений в правильности раздела имущества у

¹⁷¹ Борьба за Россию. 1926. № 4.

мужиков не возникало. «А потому и делили, чтобы установить уравнильное пользование. Сначала обобрали мужиков, а потом обобрали господ, теперь никому не обидно».

Если прочитать советские газеты, то можно увидеть заметки о положительном состоянии железных дорог в государстве. Господин Лансбери, в 1925 году прошедший лечение на Кавказе, так описывал своё путешествие: «Рассказы о катастрофическом положении советских железных дорог — сплошной вздор. Я сам проехал в прекрасном экспрессе от Москвы до Кавказа и ехал ничуть не хуже, чем в царское время». Автор статьи критикует это высказывание, ведь Лансбери действительно ехал в отремонтированном спальном вагоне в одном из малочисленных «скорых поездов». Однако для движения этих поездов нужно было убирать заблаговременно остальные поезда на запасные пути, где они подолгу стояли, чтобы дать движение «скорым». Если бы член британского парламента покинул свой салон и зашел в поезд местного сообщения, он бы увидел другую картину: сотни людей на станции с «котомками», ожидавшие отправки по несколько суток и лежащие прямо на полу. Он увидел бы разбитые и облупленные вагоны с «советскими стеклами», то есть забитые досками, он увидел бы паровозы, выпускающие пар из всех щелей и вытягивающие с трудом пяти-шести вагонный состав, он увидел бы станции, похожие на отхожие места. Стоит отметить, что и в официальной советской прессе иногда проскальзывали негативные сообщения о железнодорожном транспорте¹⁷². Также автор статьи отмечает, что внутри народа полная разобщенность, поэтому он не видел путей свержения большевистской власти.

Что касается сберегательных вкладов, то со времени революции процент людей, которые доверяли бы банкам, заметно снизился. В этом эмигранты видели недоверие народа к государству и общий уровень развития экономики в стране, что ярко проявлялось в статье «Вклады в Советском Союзе» Ланде

¹⁷² Красная газета. 1926. 6 марта.

Арон Соломоновича, пишущего статьи под псевдонимом А.С. Изгоев. В дальнейшем все цифры, касающиеся СССР, берутся из официального издания «Вестник финансов» за 1926 год, а данные о довоенной России из «Статистического ежегодника за 1914 год», изданного Советом съездов промышленности и торговли, под редакцией В. И. Шараго. При переводе червонного рубля на довоенный, советские экономисты считали, что червонный рубль сохранил 45-55% довоенной ценности рубля. Эмигранты взяли самое благоприятное для советского правительства соотношение – 55%. Чтобы показать банковскую ситуацию в советском государстве, достаточно будет предложить следующее соотношение цифр. К 1 января 1913 года в государственных сберегательных кассах России деньгами и ценными бумагами, на счету у вкладчиков имелось 1 миллиард 913 мил. 187 тыс. рублей¹⁷³. На 1 июля 1926 года по всему Советскому Союзу имелось вкладов на сумму 70 миллионов 427 тыс. червонных рублей, т.е. 38 мил 735 тыс. довоенных рублей (2% от прежней суммы). Число вкладчиков, достигшее к 1 января 1913 года 8 мил. 93 тыс., понизилось к 1926 году до 1 мил. 110 тыс. 690, т.е. более, чем в семь раз. Эти цифры примечательны ещё и тем, что можно предположить, что большой процент от общей суммы вкладов в царской России принадлежал небольшому количеству людей, поэтому рассчитывать среднюю сумму на каждого вкладчика здесь неуместно. Однако эмигранты этих мыслей не разделяют, а свободно рассчитывают средние суммы и получают желаемые результаты. О недоверии к сберегательным кассам подтверждает и советский экономист С. М. Винокур¹⁷⁴.

Однако, несмотря на неутешительные цифры, советское правительство находило положительные стороны, в сентябре 1925 года Николай Павлович Брюханов, будучи заместителем Народного комиссара финансов СССР, отметил, что «в ближайшее время сеть сберегательных учреждений достигнет

¹⁷³ Статистический ежегодник России 1909-1914 гг. – Петроград, 1914.

¹⁷⁴ Вестник финансов. 1926. 1 августа.

20 тысяч»¹⁷⁵. Однако, многие из этих касс оказались неэффективными, по официальным данным, на 1 сентября 1925 года «бездействовало» 38% почтово-телеграфных, 32% железнодорожных и 38% посреднических касс¹⁷⁶.

Эмигранты также отмечали большое недоверие к сберегательным кассам со стороны деревенских жителей. К 1 июля 1926 года, как сообщается в «Вестнике финансов»¹⁷⁷ «из общей суммы 70 милл. рублей около 1,7-1,8 милл. рубл. приходится на крестьянские сберкассы». В 1912 году, сравнивал автор статьи, на долю сельских вкладчиков приходилось почти 44% всех сберегательных книжек, а вкладов по ним числилось почти 47%.

Также в письмах отмечали, что новая коммунистическая верхушка заняла место бывшего царского окружения. Причём после революции чиновников стало значительно больше, они появились и на местах. В эмиграции были твердо уверены, что в России нет никакой диктатуры пролетариата, а есть господство нового правящего класса из членов коммунистической партии.

Семья в Советской России, по представлениям эмигрантов, перманентно разрушается большевистским правительством. «Крепкая и здоровая семья, охраняемая законами о личных свободах, является оплотом государственности, советские законодатели постарались прежде всего разрушить этот оплот» – пишет в статье «В защиту семьи» неизвестный автор под псевдонимом «Сергей Водов». В другой статье говорилось, что первый удар семье был нанесен уничтожением личных свобод русского человека. «Когда любой пьяный матрос или солдат мог ворваться в частный дом или квартиру, когда любой чекист мог совершенно безнаказанно изнасиловать женщину, когда каприз комиссара был достаточен для убийства в грязном подвале отца и мужа этих опозоренных женщин, когда началась кровавая

¹⁷⁵ Экономическая жизнь. 1925. 9 сентября.

¹⁷⁶ Социалистическое хозяйство. 1926. 13 июля.

¹⁷⁷ Вестник финансов. Там же.

пляска на всем пространстве России — тогда был нанесен первый тяжелый удар семье, и она дрогнула»¹⁷⁸.

Эмигранты критиковали лозунги «раскрепощения семьи и женщины», распространенные в то время в СССР. И на страницах еженедельника складывался образ советского брака, не как пожизненного союза мужчины и женщины, а как способ постоянного удовлетворения животных инстинктов. «Раскрепощение» женщины, по словам эмигрантов, вылилось в ужасное и отвратительное надругательство над матерью и женой, «свобода» семьи породила хулиганство и большое количество беспризорных детей. На страницах вспоминались первые декреты о расторжении браков и о гражданском браке¹⁷⁹, вспоминают первый советский кодекс, появившийся в Сборнике узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства¹⁸⁰. Его называли первым доказательством стремления большевиков разрушить семью, нежелание рассматривать брак, как прочную основу семьи. В этом эмигранты видели и причину появления детских беспризорников, которых брала на воспитание коммунистическая партия, создавая детские дома и приюты. «Всякий, кто желает снова видеть свою Родину мощной и великой, обязан упорно отстаивать чистоту и святость брака и семьи» – заканчивает Сергей Водов. Однако, вопреки утверждениям эмигрантов, стоит отметить, что официально советским правительством критиковались несерьезное отношение советской молодежи к браку и, так называемая, теория стакана воды. Последующие идеалы советской женщины также подтверждают то, что в советском государстве идеалом была женщина, умеющая сочетать как семейные, так и рабочие обязанности.

В другом письме также отмечалось, что семейная жизнь совершенно разрушена, свидетельством чему является колоссальное число разводов. «Из

¹⁷⁸ Борьба за Россию. 1927. № 8.

¹⁷⁹ Газета Временного рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 36-37.

¹⁸⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1918-1928 гг. – Москва. – №76-77. Ст. 818. – 1943.

всех, находящихся в городе казенных учреждений, наиболее популярными являются винные лавки и отдел записи гражданского состояния (ЗАГС). Возле обширного здания, где помещается этот отдел, всегда можно видеть толпу народа в ожидании очереди. Мужчины и женщины. Слышна непрерывная брань, и женщины ничуть не уступают мужчинам, поражая богатством своей эрудиции. Несмотря на то, что бракоразводная такса повышена до 5 руб. 25 коп., количество их ничуть не уменьшилось».

В целях укрепления семейной жизни в городе имелся особый Союз женщин, на обязанности которого лежит обследование условий, в которых живет семья. При этом имелись в виду исключительно интересы жены. Член союза в праве были посещать все квартиры и расспрашивать жен довольны ли они своими мужьями, не оскорбляют ли их последние, и в случае обнаружения дурного обращения мужа с женой, налагался штраф в первый раз до 5 рублей, а во второй — до 20 рублей.

В представлениях эмигрантов, ни семьи, ни брака, общепринятом во всех других странах, большевики не признавали. «Брак — половое сожитительство мужчины с женщиной и только». Брак создавался самим фактом сожитительства, а не законом, задачей которого было лишь регистрирование половой связи. Все отношения между соживающими мужчиной, женщиной и их детьми по своему характеру были исключительно имущественными и проявлялись главным образом в виде взаимной материальной поддержки. Оба супруга обязаны были в известных обстоятельствах выдавать друг другу средства да содержание, т. е. алименты. «Основой семьи признается только действительное происхождение. Никакого различия между родством брачным и внебрачным не признается» (ст. 133). При таких условиях браки в Советской России разделялись на: 1) формальные, т. е. зарегистрированные и 2) фактические, причем эти последние разделялись на фактические в тесном смысле слова и т. н. «случайные». Свобода развода была не ограничена ни условиями, ни сроком: право каждого из супругов прекратить брак путем простого словесного заявления — было признано одним

из ценнейших завоеваний октябрьской революции. Вполне последовательно провести эти воззрения при издании в 1918 году действующего ныне кодекса о семье большевики не решились. К тому же для большевиков главной, очередной задачей тогда являлась борьба с церковным браком. Вот почему в кодексе 1918 года появилась основная статья 52 в такой редакции: «Только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в органе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов»¹⁸¹.

Статья эта лишала супружеских прав, т. е. права на алименты лиц, состоящих в незарегистрированном, фактическом браке. Казалось бы, что при введенной тогда же в 1918 году свободе развода, всякий фактический брак, даже между лицами, связанными узами нерасторгнутого брака, мог быть легко превращен в зарегистрированный и, таким образом, всякий элемент принудительности брачных отношений уже не существовал. Несмотря на это осенью 1925 года правительство республики сочло необходимым довершить начатое дело и внесло во ВЦИК законопроект об уравнивании всякого фактического брака, не исключая и случайного, с зарегистрированным. Результат получился неожиданный: вместо привычного послушания допущенных законодательству представителей советов правительство встретило столь единодушный отпор представителей крестьян и даже рабочих, что законопроект пришлось снять под предлогом ознакомления с ним широких масс населения. В 1926 году после годичной обработки общественного мнения, переработанный проект был вновь внесен на рассмотрение осенней сессии ВЦИКа. На этот раз правительство не решилось настаивать на полном уравнивании зарегистрированного брака с фактическим. Установив, в виде общего начала, права супругов на алименты как при зарегистрированном, так и при фактическом браке, советские законодатели,

¹⁸¹ Борьба за Россию. 1927. № 19.

однако, сочли необходимым охранить понятие фактического брака случаями более или менее прочного сожительства¹⁸².

Факт повсеместного развода подтверждается фактом из другого письма, это явление автор Борис Чинарин называет «бракоразводная лихорадка». Отмечая, что «несчастные секретари буквально ошалели от этого бешеного потока чающих развода людей». В письме это объясняется тем, что на предприятиях повсеместно увольняли замужних женщин, поэтому люди предпочитали жить гражданским браком, но с обоими работающими членами семьи.¹⁸³

Подытожив, стоит отметить, что несмотря на очевидное политическое безразличие среди широких масс населения СССР, эмигранты верили в эволюцию мысли внутри общества. Все беспорядки и убийства партийных деятелей в советской деревне не были актом контрреволюционности, а являлись просто бытовыми скандалами. И если в некоторых неудобствах, как отсутствие света вечером в столицах, можно обвинить советское правительство, то, например, грязь в квартирах, мусор на улицах, воровство мраморных плит на кладбищах – проблемы во многом личные, зависящие от общего уровня культуры населения. Многие недостатки общества 20-ых годов, такие как пьянство, хулиганство, проституция советское правительство списывало на пережитки старого капиталистического строя, большевики не закрывали глаза на эти проблемы, а предлагали реальные пути их решения.

¹⁸² Борьба за Россию. 1927. № 30.

¹⁸³ Борьба за Россию. 1927. № 20.

ГЛАВА 4. ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «БОРЬБА ЗА РОССИЮ» О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ СССР.

Одна из традиционных регулярных колонок еженедельника носила название «Иностранцы и большевики», редактором которой был П.Я. Рысс. Именно оттуда будет взята основная информация о международном положении СССР.

Образ Советской России на международной арене был связан с одной стороны «полосой признания», когда государства один за другим начали признавать советскую власть в 1924 – 1925 гг. С другой стороны, тем фактом, что западные страны с опаской вели любые дела с СССР, не исчерпал себя вопрос о преемственности долгов царского правительства перед европейскими государствами. Дёгтя добавила постоянная поддержка советским правительством революционных выступлений в Германии и Болгарии, помощь английским горнякам, а также вмешательство в китайские дела.

«Иностранцы начинают все более убеждаться в невозможности нормальных деловых сношений с советской Россией» – видим мы утверждение эмигранта Петра Рысса в первом же номере еженедельника. Если рассмотреть «деловой» образ Советского Союза, то можно выделить недоверие, с которым относились к нему западные компании. Целый ряд заграничных фирм, соблазненный изначально большевистским посулами, вынужден был отказаться от каких бы то ни было торговых сношений, вследствие понесенных ими крупных убытков. Были прекращены операции по закупке пушнины вследствие невозможности для советского правительства выполнить принятые им на себя обязательства, сведен к нулю экспорт яиц, так как цены на внутреннем рынке не соответствовали ценам мирового рынка и, наконец, закрылся экспорт масла. Рассмотрим ситуацию, в 1925 году контрагентом советского правительства в этом деле являлась одна датская фирма, входившая в образовавшееся смешанное общество с капиталом в 30 мил. датских крон, причем советское правительство обязывалось со своей

стороны депонировать в Лондонском отделении «Аркоса» 107 тыс. фунтов стерлингов. Первый год прошел довольно благополучно, но, начиная с 1925 года, положение резко изменилось. Цены на масло повысились настолько, что пришлось прекратить всякие закупки, тем более, что и сам продукт значительно ухудшился по своему качеству. Датская фирма понесла крупные убытки, которые по договору должны быть покрыты обеими сторонами и только тут выяснилось, что никаких сумм на этот предмет в «Аркосе» не имеется, и что советское правительство и не думало вносить таковых. Это открытие вынудило датчан потребовать расторжения договора и возмещения им понесенных убытков, от чего, однако, советское правительство уклоняется. «Все эти неудачи начинают убеждать иностранцев, что «сильная» коммунистическая власть сильна только в отношении отдельных граждан, но совершенно беспомощна и бессильна перед лицом крестьянской массы, диктующей этой власти те или иные условия внутреннего рынка» – делается неутешительный вывод¹⁸⁴.

Когда большевики захватили власть в России, они это сделали в расчете на то, что революция пределами России не ограничится, что за революцией русской последуют революции и в остальных европейских государствах, что они «на горе всем буржуям мировой пожар раздуют». Попытки установления советской власти в Венгрии и Баварии в 1919 году, безостановочный рост социально-революционных настроений в Италии, где рабочие уже стали практиковать такие приемы борьбы, как захват фабрик, все эти факты с достаточной убедительностью доказывают, что горючего материала было достаточно и в странах Западной Европы. С особой ясностью это пренебрежительное отношение к коммунизму проявлялось в отношениях западной буржуазии с Советской Россией второй половины 20-х гг. Былого страха перед большевистской политикой, желания оградить себя «колючей проволокой» от советского государства не стало. Западная буржуазия,

¹⁸⁴ Борьба за Россию. 1926. №1.

наоборот, чрезвычайно настойчиво стремилась проникнуть в Россию, использовать в своих интересах создавшееся там положение. Особенную энергию обнаруживала в этом отношении германская буржуазия — «та, которая из всех западноевропейских государств бесспорно наилучше осведомлена о состоянии, в которое привели Россию большевики». Здесь мы вспоминаем многочисленные исследования Белой России о финансировании большевиков немецкими властями в годы революции.

Другие обвиняют недалёковидность Англии, ссылаясь на статью Генри Кораба во французской газете «Le Matin» (№ от 31 января) под заглавием «Ошибка Англии». В выражениях весьма решительных автор возлагает на Ллойда Джорджа ответственность за надвигающуюся войну в Китае, войну, которая «оплачивается и направляется советами». «Он вбил себе в голову вовлечь коммунистов в мировой торговый оборот». Таким путем, уверял он, легко сотрутся все углы и все преувеличения марксистских теорий. В душе он мечтал, что Англия первая захватит русский рынок. «Он с наслаждением вдыхал уже запах бакинской нефти, о которой было столько разговоров за кулисами генуэзской конференции. Упоенный надеждами на скорые, легкие барыши, английский премьер признал большевиков». Мало-по-малу и другие союзные державы вынуждены были сделать то же самое.

Что же получила Англия от «тонкой игры» Ллойда Джорджа? К 1922 году казна советов была пуста. Сами большевики признали, что без вывоза в Англию леса, марганца, льна и керосина — они быстро пришли бы к полному истощению. Без «хитростей» Ллойда Джорджа большевизм отошел бы уже теперь в область предания. Почин английского премьера дал большевикам средства для поддержания английской забастовки, для пропаганды в Индии, для возбуждения в Китае острой ненависти к англичанам¹⁸⁵.

На съезде ВКП 1926 года после Бухарин пришел к выводу, что коммунистическая революция продолжает свое победоносное шествие, и что

¹⁸⁵ Борьба за Россию. 1927. № 11.

союзниками СССР являются английские горнорабочие и революционное движение в странах Востока, в частности, в Китае. В действительности, это утверждение критики не выдерживает. Забастовку горняков в Англии нельзя было считать коммунистическим движением. Среди причин, приведших к её неудаче, было, наоборот, то, что предприниматели имели возможность, вследствие легкомысленной тактики одного из вождей бастовавших рабочих Кука, пугать страну коммунистической опасностью, которой, в действительности, не было. Успех забастовки не был бы победой коммунизма и не означал бы установления советского режима в Англии. «Не являются победой коммунизма и события на Востоке» – пишут эмигранты. Характер этих событий очень серьезен, европейско-американскому капитализму приходилось теперь и в странах пробуждающегося Востока иметь дело с положением, во многом радикально отличающимся от положения перед войной. Но в восточных странах, в том числе и в Китае, происходят движения национально-революционные, а не коммунистические. Лидеры этих движений пользуются поддержкой правительства СССР и Коминтерна, поскольку она служит их интересам¹⁸⁶.

Приезжающие из России пишут в еженедельнике: «В России сильно распространено недружелюбное чувство к иностранцам, особенно к бывшим нашим союзникам. Их упрекают в безучастии, эгоизме, желании воспользоваться всем тем, что сейчас в России плохо лежит, и, особенно, в помощи большевикам, как в форме их признания, так и в форме коммерческих кредитов, им отпускаемых, и в виде крупных сумм за концессии и вывозимые товары». Своей основной задачей эмигранты видели в убеждении западных государств не поддерживать большевиков, просить их не забывать, что помимо большевиков существует русский народ. В еженедельнике отмечали, что большевики тратят сотни миллионов на свою пропаганду за границей. Одни за другими все большие государства признавали большевиков,

¹⁸⁶ Борьба за Россию. 1926. № 2.

заклучали с ними договоры, которые далеко не всегда были удачны для европейских капиталистов, но большевики извлекали из них пользу¹⁸⁷.

Во внешней политической системе большевиков дружба с народами Востока занимала выдающееся место, был провозглашен принцип естественной общности интересов восточных народов и СССР. В полном противоречии с буквой и духом революционного марксизма, отвергающего существование национального единства и признающего только классы, сцепившиеся в мертвой схватке, большевизм на Востоке заменил «классы» понятием «угнетенных народов», интересы которых вполне совпадали с интересами европейского пролетариата, в частности его «авангарда» — Советской России. Советское правительство поэтому систематически, отчасти в лице своего филиала Коминтерна, поддерживало всякое направленное против европейцев движение в колониальных и полуколониальных странах Востока, где бы оно не происходило: в Китае, Индии, Египте, Марокко, Сирии и т. д. Противоевропейское брожение, охватившее народы Востока уже после победы Японии в русско-японской войне и без того усилившееся под влиянием мировой войны, признавалось большевиками одним из наиболее могущественных факторов грядущей мировой революции, о чем объявил Бухарин на съезде ВКП, взглянув на Китайскую революцию как на одну из важнейших «колонн» мирового революционного движения¹⁸⁸.

Очевидных оснований думать, что стремление к независимости от Европы, действительно с разной силой появляющееся у всех, ныне политически или экономически подвластных европейцам народов Востока, носили характер пролетарской революции, у коммунистической партии не было, как подчеркивают народники-эмигранты. Как показал опыт России, сила большевизма заключалась в том, что его лозунги оказывались в весьма близком родстве с представлениями о причинах социального неравенства у

¹⁸⁷ Борьба за Россию. 1926. № 3.

¹⁸⁸ Борьба за Россию. 1927. № 12.

обойденных судьбой масс. Чем ниже экономический, правовой и культурный уровень этих масс, чем больше по отношению к ним грехи политически и экономически господствовавших слоев, тем легче поддавались народные массы обаянию большевистских лозунгов, тем естественнее казалось объяснение всех социальных зол существованием высших слоев, только и занятых тем, что они «пьют кровь» трудящихся. Если большевизм в странах капиталистического Запада к 1927 году потерпел окончательное крушение, то это, конечно, объяснялось в первую очередь сравнительно весьма высоким экономическим уровнем, на котором находились рабочие и крестьяне капиталистических стран. Этот уровень устраняет возможность успеха такого боевого клича, как знаменитое «грабь награбленное». Заметим в связи с этим мимоходом, что только непревзойденные еще в истории полицейский произвол и бессовестная демагогия советского правительства могли заставить русских рабочих жертвовать частью своего скудного заработка ради поддержки английских углекопов, получающих приблизительно втрое больше русских. Превьющая Россия не могла противопоставить разрушительным силам большевизма такого высокого уровня, что и привело к катастрофе власти. Еще гораздо ниже жизненный уровень народных масс в странах колониального и полуколониального Востока. «Следовательно, не малы были шансы большевизма и на Востоке, конечно, при совпадении благоприятных в этом направлении обстоятельств, как это было в России» – сделан вывод в еженедельнике¹⁸⁹.

В 1926 году коммунистический элемент в движении восточных народов либо вовсе отсутствовал, либо не играл господствующей роли. В этом отношении особенно поучительны советско-турецкие отношения. Всем известно, с какой энергией поддерживало советское правительство борьбу националистической Турции против Антанты и старалось придать возможно более тесный характер установившейся дружбе с Турцией. На Лозаннской

¹⁸⁹ Борьба за Россию. 1927. № 6.

конференций советская делегация шла в отстаивании прав Турции на проливы дальше, чем делегация самого ангорского правительства. В декабре 1925 г. советское правительство заключило договор с Турцией, когда обострение турецко-английского конфликта создало положение, в котором Турция могла нуждаться в поддержке со стороны других держав. Эта советско-турецкая дружба была недавно снова подчеркнута столь шумевшим свиданием Чичерина с Руш-ди-беем, министром иностранных дел ангорского правительства, в Одессе. История советско-турецкой дружбы богата многими интересными эпизодами, вроде хотя бы присутствия на съезде в Баку в 1920 года среди представителей угнетенных народов Востока и знаменитого Энвера-Паши, того самого Энвера, на совести которого были сотни тысяч замученных во время войны армян. Скоро после того, как Энвер оказался вдруг среди «угнетенных» и участвовал в этом «маскараде съезда освободителей Востока», он стал во главе направленного против советского правительства повстанческого движения в Средней Азии во имя создания пан-тюркского среднеазиатского государства и лишь случайно погиб в мелкой стычке. Турки действительно извлекли большую пользу из советской дружбы. Отчасти благодаря ей они смогли добиться замены столь тяжелого для них Севрского договора Лозаннским, значительно более для них, выгодным¹⁹⁰.

Нельзя говорить о господствующем значении коммунизма в Китае, несмотря на то, что в этой древней стране, переживающей не только ломку своего старого политического строя, но и своей тысячелетней культуры, некоторая часть незрелой интеллигенции действительно подпала под влияние большевистских идей. Вопреки, однако, этому идейному успеху, а также усиленной тренировке в Москве китайских коммунистов – «кутовцев» на русские государственные средства, сами коммунисты вынуждены признавать, что события в Китае являются прежде всего движением национальным и что элемент социальной революции в них пока играет лишь подсобную роль.

¹⁹⁰ Борьба за Россию. 1927. № 47.

Продолжительные и, по обыкновению, многословные прения по китайскому вопросу на только что закрывшемся съезде пленума Коминтерна в Москве в этом отношении были весьма поучительны, ибо все ораторы, при всех обязательных для них в качестве официальных коммунистов оговорках, признавали, что «в настоящее время пролетариат не является "гегемоном движения"». Эта фраза повторялась почти всеми выступавшими по этому вопросу, хотя она и разбавлялась морем казенных трафаретных слов о роли пролетариата. Представитель коммунистической партии Тан-Пин-Сян, точно формулировавший цели и задачи китайской революции, не указал ни одного требования, которое можно было бы считать коммунистическим. Он говорил об аннулировании неравноправных договоров, о таможенной независимости, уходе иностранных войск, отмене экстерриториальности и т. д. Нет, конечно, ничего коммунистического и в таких требованиях, как запрещение повышения арендной платы малоземельных крестьян, передача крестьянам земли, принадлежащей государству, и, уже конечно, в непримиримом противоречии со всеми «заветами Ильича» находится выставленное им требование созыва национального собрания. Впрочем, достаточно почитать сочинения Сун-Ят-Сена, например, вышедшие в Москве его «Записки китайского революционера», чтобы видеть, вопреки стараниям изобразить его китайским Лениным, что в его взглядах чрезвычайно мало общего с тем, что в Европе было принято называть социализмом. Но зато весьма много родственного с националистическим шовинизмом, ибо вся его книга проникнута глубоким убеждением в превосходстве Китая над миром западной цивилизации, у которого Китаю нужно лишь усвоить полезные в материальной и политической борьбе технические знания¹⁹¹.

Таким образом, даже в Китае с его многомиллионными массами бедных крестьян и значительными кадрами потерявшей почву под ногами интеллигенции, в происходящем движении господствует элемент

¹⁹¹ Борьба за Россию. 1928. № 64.

национальной независимости, а не социальной революции. Китайские националисты, очевидно, не имеют основания отказаться от поддержки, которую они находят у правительства СССР, хотя бы от таких его «жестов», как отказ от прав экстерриториальности для граждан бывшей России, что, конечно, весьма облегчает китайцам борьбу за отмену привилегированного положения иностранцев в Китае вообще, или от помощи советских инструкторов национальной китайской армии и т. д. Националистам в Китае, как и в Турции и в других восточных странах, «единый фронт с московским коммунизмом» принес пока ряд весьма реальных выгод. Деятели же Коминтерна приходилось надеяться, что когда-нибудь осуществится «союз между Китаем, СССР и западным пролетариатом, чтобы таким образом сделать возможным некапиталистическое развитие Китая».

У советской власти были свои цели вмешательства в дела восточных соседей. В своей речи на пленуме Коминтерна Бухарин высказал это достаточно ясно: «Наша ближайшая перспектива и наша ближайшая задача в Китае – побить империалистического врага». Эмигранты расценивали это заявление, что Коминтерну важно было не улучшение положения «трудящихся масс», о котором он заботится, а свою главную задачу видит в нанесении ущерба капиталистическим государствам, в первую очередь Англии, как наиболее сильному в то время среди капиталистических стран Европы. На страницах еженедельника неоднократно высказывалось предположение, что, если бы удалось выгнать европейцев или американцев из стран Востока, положение народных масс стало бы хуже. Нужно признать, у европейской колониальной политики много грехов. Недаром английский поэт Киплинг сказал, что к востоку от Суэцкого канала десять заповедей становятся необязательными, но, тем ее менее, европейские колониальные режимы, если не всегда, то часто, являлись для туземцев значительными шагами вперед. Было бы, например, ни с чем несообразно сравнивать порядок в русских среднеазиатских владениях перед войной, с тем, который существовал там до прихода русских. Столь же нелепо было бы сравнивать положение населения

Алжира ныне под властью Франции с периодом, когда он находился под властью пиратов дея. Точно также несомненно, что население Ост Индии, например, очень многим обязано английской власти, которая, при всех её темных сторонах, все же неизмеримо больше сделала во всех отношениях для трудящихся, чем предшествовавшая ей туземная власть. Как ни бесчеловечна эксплуатация труда, в частности детского, например, в иностранных предприятиях в Шанхае, она, во всяком случае, не превосходит эксплуатацию труда в предприятиях туземных, уверены эмигранты. В этом отношении бесшабашный лозунг борьбы с империализмом и империалистическим капиталом есть чистейшая демагогия, в конечном счете служащая интересам не туземных «трудящихся», а туземных предпринимателей, надеющихся освободиться от европейско-американской конкуренции¹⁹².

Эмигранты считают, что первоочередная задача большевиков заключается в том, чтобы подорвать материальное благосостояние Англии, а для этого все средства хороши. То, что при этом пострадают интересы не только «империалистов», а и колониальные и полуколониальные народы, их останавливает так же мало, как не остановили их от коммунистического опыта в России последствия этого опыта для русского народа, которые нетрудно было предвидеть. Нет ни малейшего основания ожидать, что в Китае, стране преимущественно карликового сельского хозяйства и с ничтожной сравнительно промышленностью, может удастся коммунистический опыт. Но это отступает на задний план перед надеждой вызвать в Англии смуту, посредством уничтожения ею торгово-промышленных связей с Китаем. Смута же при «благоприятных» условиях может превратиться в революцию, т. е. дать возможность продолжать на Западе игру, безнадежно уже проигранную в России.

Народы Востока – лишь средство для продолжения разрушительной работы большевизма. Западные капиталистические страны оказались

¹⁹² Борьба за Россию. 1928. № 74.

слишком устойчивыми для того, чтобы большевизм мог их толкнуть на роковой путь, по которому он повел Россию, и он пытался заменить неудавшуюся лобовую атаку тыловой, с Востока¹⁹³.

Сразу после разрыва английским правительством отношений с Советской Россией, в №27 проносится облегченный вздох русских эмигрантов: «Наконец-то!». Полностью приняв сторону западных стран, Зарубежье восприняло это событие как начало коренного переворота в международных позициях СССР¹⁹⁴.

Весь 1926 год европейская дипломатия и печать усиленно заняты были вопросом о пересмотре отношения к большевистской власти. Возможность разрыва дипломатических отношений между Англией и Советами принимала все более реальные формы, так как Москва своей позицией в Китае ставила себя во вражеские отношения с Великобританией. «Сандей Таймс» утверждал, что большинство членов английского кабинета были за разрыв. «Обсервер» настаивал на разрыве более сдержанно, но в таком же духе высказывался и «Таймс», хотя сам Чемберлен предлагал позиции выжидания. Ибо, полагал он, оттолкнув большевиков, Европа даст им возможность заниматься без удержу разрушительной работой.

Английская рабочая парта противилась разрыву, о чем заявила в опубликованном её парламентскими представителями протесте. 9 февраля 1927 года открылась сессия палаты общин. После оглашения тронной речи, начались прения по ответному адресу. Первый из ораторов, лидер рабочей партии Мак Дональд, детально остановившись на китайском вопросе, перешел затем к «русской проблеме» и предложил правительству выдавать свое мнение по вопросу о разрыве с большевиками. Рабочая партия, заявил Мак Дональд, заранее заявляет, что она будет против разрыва¹⁹⁵.

¹⁹³ Борьба за Россию. 1927. № 11.

¹⁹⁴ Борьба за Россию. 1927. № 29.

¹⁹⁵ Борьба за Россию. 1927. № 31.

Надо добавить, что рабочая партия поддерживала мнение, о необходимости сношения с советской властью только из принципа, считая, что разрыв с Москвой приведет только к ухудшению положения вещей в России, к окончательному товарному истощению страны и к еще большему деспотизму власти. Но рабочая партия продолжает, как и раньше, осуждать советскую власть и резко отрицательно относиться к методам управления ею Россией.

Настроения в Англии против большевиков принимало все более резкие формы. 18 февраля депутат Холл запросит правительство, не считает ли оно необходимым до парламентских дебатов опубликовать документы, устанавливавшие факты большевистской пропаганды против Англии. Депутат Клерри запросит министра внутренних дел, известно ли ему, что под видом матросов на пароходах Аркоса в Англию въезжали советские агитаторы. В среде самого правительства не было единодушия. Часть кабинета (во главе с Черчиллем) настаивала на разрыве с Москвой и высылкой из Англии большевиков. Другая часть (во главе с Чемберленом) требовала, чтобы пока все оставалось по-старому.

Но общественное мнение, под влиянием большевистской агитации в Китае, было настроено против большевиков. Большое возбуждение в Англии вызвала печальная история матроса Дэвида Скотта. Этот матрос, прибыв в Новороссийск, поверил русским коммунистам и остался в России. «Но здесь он убедился в прелестях советского рая» – пишут в еженедельнике. Работая при зарплате в 30 рублей в месяц, Скотт, не стесняясь, стал осуждать большевиков. Его схватили по приказу ГПУ и 10 месяцев без суда держали в тюрьме. Только по объявлении голодовки Скотт был выпущен из тюрьмы, добрался до Англии и здесь опубликовал свои злоключения. Английский поверенный в делах Ходжсон заявил советской власти энергичный протест против тюремного заключения Скотта, а английская печать еще более резко обрушилась на большевиков.

По сведениям «Сандей Таймс», правительство Болдвина выработало проект ноты, в которой в последний раз предупреждало Москву о недопустимости её антибританской пропаганды в Китае. В случае продолжения этой пропаганды Англия грозила расторгнуть торговый договор с СССР.

После неоднократных запросов правительства в Палате Общин, после горячего обсуждения вопроса в печати, 23 февраля английское правительство представило Москве ноту, в которой указывало, что Совнарком клеветнически обрушивается на Англию, занимается антибританской пропагандой и возбуждает Азию против Англии. Терпимость Англии по отношению к Москве кончилась, и правительство Болдвина предупреждает Совнарком, что есть пределы терпению. Поэтому, заканчивается нота, продолжение большевистской пропаганды сделала необходимым расторжение торгового договора Англии с СССР, привела к разрыву дипломатических сношений. Теперь эта резкая нота известна нам под именем «нота Чемберлена». Непосредственного наблюдателя, прежде всего, поражало то, что Чемберлен совершенно не скрывал своего раздражения и недовольства Советами. Оно проявилось с особенной резкостью во время приема Чемберленом журналистов. Таким же тоном раздражения Чемберлен говорил и с некоторыми из прибывших в Женеву министров, поделившихся своими впечатлениями «доверительно» с близкими людьми, а эти последние со своими друзьями. И в общем из уст в уста все повторяли: «на этот раз дело не обойдется пустяками». Наступило время, когда дальнейшее пребывание у власти советского правительства перестало отвечать интересам Англии¹⁹⁶.

Нужно отметить достойный ответ на эту ноту советским правительством, где отметилась стремление СССР к мирным и равным отношениям со всеми государствами, в т.ч. Англией.

¹⁹⁶ Борьба за Россию. 1927. № 17.

Эмигранты отмечали, что, получив английскую ноту, видные коммунисты (как Юрий Ларин и др.) «обрушились с бранью» на Англию, а 26 февраля Литвинов вручил английскому поверенному в делах ответную ноту. В ноте этой Литвинов «цинично», как писало Зарубежье, заявляло, что не было конкретных фактов антибританской пропаганды со стороны московского правительства. А если «критика» и допускалась со стороны советской печати и коммунистических деятелей, то в Советской России существовала «свобода мнения», иронизировали эмигранты. В свою очередь Литвинов обвиняет Англию в антисоветской пропаганде и заканчивает ноту, «что никакие угрозы не могут утратить СССР».

Надо добавить, что Литвинов еще сторонник «умеренной» политики, политики соглашения с Англией и умеренности в пропаганде. Чичерин, напротив того, придерживается мнения о необходимости еще сильнее развить пропаганду в Азии. И вот «умеренный» Литвинов, понимающий, сколько опасности представляет для России распропагандированная Азия, и разразился знаменитой нотой. В глазах эмигрантов, тон Литвиновской ноты был наглый и она не сможет способствовать урегулированию конфликта между Англией и СССР, и в недалеком будущем возможны серьезные осложнения, ответственность за которые падет на головы Кремля.

Тем временем, большевики развивали свою деятельность. За последние недели, не довольствуясь Китаем, они начали бешеную агитацию в Индии. В которой тоже сильно национальное движение, которое имеет целью освобождение от английского господства и английского влияния.

А из Индии волны этого движения доходят до Индо-Китая, находящегося под политическим контролем Франции. И огонь, что большевики разжигают в Китае и Индии, легко перебросать на весь Индо-Китай. Поэтому то и Франция естественным образом вовлекается в борьбу против московских агитаторов.

Под словами «агитация», «агитатор», «пропаганда» не надо понимать мирного распространения словом тех или других мыслей. Нет, московские

правители вели иную пропаганду. Во-первых, они призывали население к вооруженному восстанию, разрабатывая план его и поставляя специалистов по этой части. Во-вторых, они основывали повстанческие организации, снабжали их деньгами и оружием. Пользуясь средствами русского народа, большевики миллионы рублей тратили на подготовку восстания и мятежей¹⁹⁷.

Англия выгнала представителей советской власти, агентов III Интернационала. Единогласным решением правительства и огромным большинством голосов парламента постановлено не только аннулировать торговый договор с ними, но и прекратить дипломатические отношения, т. е. разорвать всякую политическую связь.

Эмигранты, несмотря на полосу политических признаний, считали, что капиталистические государства перестанут налаживать любые дипломатические или экономические отношения с Советским Союзом, неудивительно поэтому, как положительно встретили ноту Чемберлена Зарубежная Россия. В ослаблении советского государства и его роли в международных отношениях эмигранты видели ослабление внутренней силы большевиков в советском государстве. Вмешательства СССР в события на Востоке осуждались, еженедельник считал, что Коминтерну важно было не улучшение положения «трудящихся масс», а нанесение ущерба капиталистическим государствам, в первую очередь Англии, как наиболее сильному в то время среди капиталистических стран Европы. Зарубежная Россия верила, что слишком велико было международное значение Англии, чтобы такой серьезный жест, как разрыв дипломатических отношений, не отозвался самым решительным образом на отношении к советской власти и других государств. Не без оснований, на другой же день после решения английского парламента Канада, почти независимое от Англии государство, тоже порвала свои отношения с советской властью. В орбиту влияния Англии того времени входил целый ряд государств; формально вполне суверенные,

¹⁹⁷ Борьба за Россию. 1927. № 18.

однако, очень прислушивающиеся к голосу Англии. Эмигранты думали, что некоторые из этих стран «лишь скрепя сердце» признали в свое время советскую власть и допустили к себе её представителей; и впоследствии, убедившись, «какое змеиное гнездо закопошилось в их стране, они были бы рады от них избавиться — но их связывало общение с «советами» великих держав, и в первую голову Англии». К тому моменту СССР не признали Бельгия и некоторые славянские страны: Югославия, Болгария, Чехословакия. Однако надежды эмигрантов рухнули, как и все их суждения и обвинения советской власти, с тех времен СССР довелось прожить ещё более 60 лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование имеет ценность в том, что позволяет увидеть альтернативный взгляд наших соотечественников на происходящие в то время события. Уникально исследованием тем, что в качестве основного источника было взято печатное издание «Борьба за Россию», до этого известное лишь узкому кругу историков, и тем, что в качестве получения источника был использован новый коммерческий метод его приобретения у частных коллекционеров.

Все задачи, поставленные мною в начале работы, были выполнены. Была дана характеристика печатному изданию «Борьба за Россию». Уникальность издания состоит в том, что еженедельник предназначался исключительно для советского читателя, хотя и пользовался определенной популярностью у Русского Зарубежья, что подтверждают многочисленные общественные сборы, на которые еженедельник просуществовал семь лет. Своей главной задачей авторы еженедельника видели в свержении большевистской власти изнутри, благодаря эволюции мысли в советском обществе. Идеологически авторов еженедельника можно назвать народниками-социалистами, приемниками идей А. И. Герцена о «русском социализме». Деятели газеты были уверены в самобытности пути развития России с последующим утверждением в ней социализма, где основной его «ячейкой» должно было стать крестьянство. В редакторскую группу еженедельника входили представители прогрессивных политических взглядов, историки, публицисты, политики: С.П. Мельгунов, В.Л. Бурцев, М.М. Федоров, П.Я. Рысс, Т.И. Полнер и М.П. Чубинский.

Газета «Борьба за Россию» состояла из 239 выпусков, постоянным местом издания была эмигрантская типография Парижа. В еженедельнике проводился анализ статей советской официальной прессы и иностранных печатных изданий, публиковались письма советских граждан, высылаемые в редакцию газеты, авторские статьи с личной оценкой происходящих в Советской России событий и явлений. Каждый выпуск начинался со

своеобразного призыва к советскому читателю бороться против большевистской власти. «Борьба за Россию» несёт в себе целый ряд особенностей, которые могли бы заинтересовать не только профессиональных историков, но и филологов. Все тексты написаны дореволюционным шрифтом, богаты всевозможными литературными тропами, постоянно упоминаются российские писатели-классики, используются факты из отечественной истории. Поскольку еженедельник "Борьба за Россию" ориентировался на советского читателя, то им была налажена линия доставки своего издания в Советскую Россию через Прагу, откуда в 1926 году приехал С.П. Мельгунов. В целом данное печатное издание представилось реальной политической силой, исходящей из Русского Зарубежья, этот факт подтверждает разветвленная система печатного органа, огромное количество авторов статей, наличие каналов поставки своего издания в СССР и связи с советскими гражданами, пристальное внимание к еженедельнику со стороны советских контрразведывательных органов и партийных деятелей.

В эмиграции были твердо уверены, что в России нет никакой диктатуры пролетариата, а есть господство нового правящего класса из членов коммунистической партии.

В данном исследовании были выявлены основные сюжеты Советской России, интересовавшие авторов еженедельника. Это, во-первых, положение рабочего класса в Советской России, где, помимо прочего, была затронута проблема ввязывания политики советского правительства в положение рабочих других стран, чьё материальное состояние и условия жизни не нуждалось в поддержке советского правительства. Не одни только эмигранты сравнивали положение советского и европейского рабочего, советское также правительство регулярно проводило аналогичные сравнения как с европейским положением рабочего класса, так и с дореволюционным. В еженедельнике сравнения проводились по пропорциональному принципу: насколько изменилось положение рабочего в странах со времен Первой мировой войны, количественные показатели в общем сравнении не

учитывались. Эмигранты обвиняли советское правительство в неспособности поддержать даже тот класс, на который опиралась вся их политика. Учитывая, что рабочий класс не был даже самым многочисленным, эмигранты обвиняли СССР в общей неспособности управлять государством и отсутствии понимания традиционных русских общественных процессов.

Эмигранты подчеркивали возросший бюрократизм на предприятиях, коррупцию и нерациональное распределение средств в административных аппаратах предприятий, в частности, деньги, которые выделялись на организацию безопасности труда, согласно показаниям советских рабочих, бесследно исчезали. Отдельно рассматривалась жилищная проблема рабочих, когда на одного члена семейства приходилось по 2,5 кв. м. жилой площади. Отсутствие у рабочих элементарного права протестовать также вызывало возмущение у народников-эмигрантов.

В защиту советского правительства нужно отметить, что оно не закрывало глаза на эти проблемы, признавало их и выдвигало пути решения. Виною многих проблем был советский народ, халатно относившийся как к работе, так и жилищу, так и семье.

Также были проанализированы взгляды эмигрантов на национальный вопрос, где особое внимание уделялось украинскому вопросу. Эмигранты отмечают, что централизм национальный, который был в дореволюционной России, сменился централизмом партийным. То есть формально союзные республики могли выйти из СССР, но фактически у них такого права не было, ведь единственной существовавшей партией в республиках была коммунистическая. Украинский вопрос прошел лейтмотивом еженедельника, где авторы издания устраивали полемику с украинскими националистами, отмечали общность истории двух народов, признавали появление государственности на территории Украины с собственным языком и культурными особенностями. Русская эмиграция не осталась в стороне от проблемы русско-украинских отношений. Еженедельник «Борьба за Россию» выходил с 1926 года, поэтому в это время возможен был первый анализ

результатов советской политике на Украине, а конкретно политики коренизации. Представители русской эмиграции были категорически настроены против любого конфликта двух братских, по их мнению, народов, стояла исключительно за мирное разрешение конфликта и общее развитие двух народов. А развивающийся украинский национализм только приветствовался, если он был направлен на взаимодействие и сотрудничество с русской культурой.

Казаки на территории СССР разделились на тех, кто стремился к независимости и на тех, кто поддерживал советскую власть. Казачий сепаратизм, который сейчас не упоминается в исторических исследованиях, имел место в 20-ые гг. Национальная идентификация у самих казаков не вызывала сомнений. Казаки ссылались на старые атласы, в которых территории казаков обязательно выделялись отдельно, как напр. «Земля Донских казаков», самостоятельное ведение внешней политики казаков, военную историю, культурные и языковые особенности, самые радикальные казаки вспоминали создание независимого казацкого государства в 1918 году. Эмигранты-казаки не видели ни независимого будущего казаков, ни будущего в составе советского государства, единственным возможным путем развития являлось для них возрождение России с казацкими вольностями образца февральской революции.

Таким образом, народники-социалисты положительно относились к различным проявлениям национальной самоидентификации народов, поддерживая основные принципы права на их самоопределение. К национальной политике большевиков эмигранты относились скептически, считая её централизацией партийного характера.

Также был рассмотрен советский быт глазами народников-эмигрантов, в особенности, быт деревни, как основной силы русского социализма. Несмотря на очевидное политическое безразличие среди широких масс населения СССР, эмигранты верили в эволюцию мысли внутри общества. Все беспорядки и убийства партийных деятелей в советской деревне не были

актом контрреволюционности, а являлись просто бытовыми скандалами. И если в некоторых неудобствах, как отсутствие света вечером в столицах, можно обвинить советское правительство, то, например, грязь в квартирах, мусор на улицах, воровство мраморных плит на кладбищах – проблемы во многом личные, зависящие от общего уровня культуры населения. Многие недостатки общества 20-ых годов, такие как пьянство, хулиганство, проституция советское правительство списывало на пережитки старого капиталистического строя, большевики не закрывали глаза на эти проблемы, а предлагали реальные пути их решения.

Что касается международного положения СССР и его внешней политики, то эмигранты, несмотря на полосу политических признаний, считали, что капиталистические государства перестанут налаживать любые дипломатические или экономические отношения с Советским Союзом, неудивительно поэтому, как положительно встретили ноту Чемберлена Зарубежная Россия. В ослаблении советского государства и его роли в международных отношениях эмигранты видели ослабление внутренней силы большевиков в советском государстве. Вмешательства СССР в события на Востоке осуждались, еженедельник считал, что Коминтерну важно было не улучшение положения «трудящихся масс», а нанесение ущерба капиталистическим государствам, в первую очередь Англии, как наиболее сильному в то время среди капиталистических стран Европы. Зарубежная Россия верила, что слишком велико было международное значение Англии, чтобы такой серьезный жест, как разрыв дипломатических отношений, не отозвался самым решительным образом на отношении к советской власти и других государств. Не без оснований, на другой же день после решения английского парламента Канада, почти независимое от Англии государство, тоже порвала свои отношения с советской властью. В орбиту влияния Англии того времени входил целый ряд государств; формально вполне суверенные, однако, очень прислушивающиеся к голосу Англии. Эмигранты думали, что некоторые из этих стран «лишь скрепя сердце» признали в свое время

советскую власть и допустили к себе её представителей; и впоследствии, убедившись, «какое змеиное гнездо закопошилось в их стране, они были бы рады от них избавиться — но их связывало общение с «советами» великих держав, и в первую голову Англии». К тому моменту СССР не признали Бельгия и некоторые славянские страны: Югославия, Болгария, Чехословакия. Однако надежды эмигрантов рухнули, как и все их суждения и обвинения советской власти, с тех времен СССР довелось прожить ещё более 60 лет.

Еженедельник часто обвиняли современники в неподтвержденном прогнозировании фактов, отсутствии политических программ и реальных действий. Реальное действие, можно заметить выше, были совершены максимально в условиях жизни русского эмигранта: была создана редакция, осуществлен сбор средств на существование газеты, налажена поставка издания в Советскую Россию и др. Нужно отметить, что и обвинения в отсутствии программы еженедельнику «Борьба за Россию» оказались беспочвенны. Как итог работы были сформулированы основные положения их политической программы¹⁹⁸. Два основных принципа легли в основу: демократизм и народное сознание.

- эмигранты считают узаконенным новый земельный порядок, земля должна остаться за крестьянами;
- охрана труда, свобода рабочих союзов, обеспечение безработных, пенсии инвалидам труда, охрана материнства, воспитание детей рабочих за счет государства и пр;
- защита частной инициативы, оставляя за государством право контроля и регулирования промышленности;
- свобода всех граждан, без различия пола, религии и национальностей, открытые и всеобщие выборы власти на всех ступенях государственного аппарата;
- свобода религии и церкви;

¹⁹⁸ Борьба за Россию. 1926. №1.

- свобода учебных заведений от партийной политики;
- единый, независимый и гласный суд;
- принцип равноправия и самоопределения народов.

Принципом, который лежит в основе большевистской политики, они называют централизмом партийного характера. И таким образом происходит отталкивание некоторых национальностей от советской власти, которая, прикрываясь демократическими принципами, подавляла национальное самосознание народов. Широкое самоуправление, полная культурная автономия, уважение к национальным особенностям и выработанному веками укладу жизни бытовых групп – вот основные положения национальной политики Белой России¹⁹⁹.

Было предложено новое понимание исторической личности С.П. Мельгунова и остальных идеологов непримиримости, которых обвиняли в «слепой» вооруженной борьбе против большевиков, когда как за это выступали в большей степени монархисты и правые кадеты. Редакция «Борьбы за Россию» всё-таки больше принадлежала к левому флангу эмиграции и утверждала, что большевизм изживет себя сам и будет ликвидирован путем внутренней эволюции, пропагандировала более либеральные варианты смены власти.

Исследование эмигрантской периодической печати является обязательным для историка, стремящегося максимально точно оценить происходящие в СССР события того времени, понять советский быт и отношения с другими государствами. Еженедельник содержит бесценные сведения из писем обычных граждан СССР того времени, выдержки из иностранных газет, труднодоступные в наше время, статистические данные, не дошедшие до наших дней. Взгляды эмигрантов и их идеи, как, например, идея партийной централизации народов СССР, имеют реальную научную историческую ценность. Данные еженедельника о положении рабочего класса,

¹⁹⁹ Там же. С. 7.

национальному вопросу, советскому быту и международному положению СССР позволит дополнить уже существующие исследования уникальными источниками.

Однако, несмотря на все усилия эмигрантов к свержению большевиков, их пророчества о скорейшем наступлении падения советской власти оказались неверными. Эволюции мысли изнутри России не получилось, методы эмигрантской борьбы оказались неэффективными, компромисса с советской властью найти не удалось, слишком ярки были воспоминания о гражданской войне. Письма, которые приходили в редакцию, указывали больше на политическую пассивность населения по отношению к большевизму, но никак не контрреволюционную борьбу, которую видели в этих письмах эмигранты. Эмигранты являлись идеалистами, тогда как страна нуждалась в реалистах. Большевики закономерно одержали победу, ведь их оружием было не слово, которым сражались эмигранты, их оружием было действие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Документальные и статистические публикации

1. Сельское хозяйство Союза ССР в 1925/26 г. – Москва, 1927.
2. Статистический ежегодник России 1909-1914 гг. – Петроград, 1914.
3. Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923. – Москва, 1924.

Законодательные и нормативные акты

1. Конституция (основной закон Союза Советский Социалистических Республик) с приложением важнейших действующих узаконений об организации и деятельности Центральных органов Союза ССР. – Москва: Юридическое издательство Наркомюста, 1924.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее СУ РСФСР). – Москва, 1922.
3. Земельный кодекс РСФСР / ВЦИК. – Москва, 1922.

Труды теоретико-методологического характера

1. Емельянов Ю. Н. Историческая периодика Русского Зарубежья («Историк и современник») // История и историки. – 2006. – № 1. – С. 47-60.
2. Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. – 1996. – № 4. – С. 29-52.
3. Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876 - 1926) // Отечественная история. – 1994. – №2. – С. 65-71.
4. Кареев Н.И. Проблемы методологии истории на страницах новых "Исторических записок" // Отечественная история. – 1997. – №1. – С. 21-42.
5. Цепилова В.И. Некоторые проблемы изучения исторической мысли русского зарубежья 1920-1930-х годов // Вопросы истории. – 2007. – №1. – С.45-69.

Труды авторов статей еженедельника «Борьба за Россию»

1. Бурцев В.Л. Боритесь с ГПУ / В. Л. Бурцев. – Париж, 1932.
2. Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию: Из воспоминаний (1882—1924) / В. Л. Бурцев. – Берлин, 1924.
3. Бурцев В.Л. Борьба с большевиками до конца / В. Л. Бурцев // Борьба за Россию. – 1926. – № 1. – С. 4-8.
4. Бурцев В.Л. Преступления и наказания большевиков. По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц / В. Л. Бурцев. – Париж, 1938.
5. Карташев А.В. Крещение Руси святым князем Владимиром и его культурно-национальное значение // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – Москва, 1991. – С. 32-41.
6. Карташев А.В. Православие и Россия // Православие в жизни. – 1953. – № 1. – С. 5-13.
7. Карташев А.В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. – Москва, 1996.
8. Карташев А.В. Церковь и национальность // Путь. – 1934. – № 44. – С. 18-24.
9. Катенев Б.Г. Иностранцы и большевики / Б. Г. Катенев // Борьба за Россию. – 1928. – № 68. – С. 11-13.
10. Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / Сост. Ю. Н. Емельянов. — Москва, 2003.
11. Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова (по поводу «Россия на переломе»): критико-библиографический очерк / С. П. Мельгунов. – Париж, 1929.
12. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть / С. П. Мельгунов. – Париж, 1953.
13. Мельгунов С.П. Красный террор в России / С. П. Мельгунов. – Нью-Йорк, 1979.
14. Мельгунов С.П. Независимость Грузии // На чужой стороне. – 1925. – № 10. – С. 15-19.

15. Мельгунов С.П. Ненависть или примирение / С. П. Мельгунов // Борьба за Россию. – 1926. – № 5. – С. 3-7.
16. Мельгунов С.П. Час настал / С. П. Мельгунов // Борьба за Россию. – 1926. – № 1. – С. 2-6.
17. Полнер Т.И. Большевики и мы / Т. И. Полнер // Борьба за Россию. – 1926. – № 1. – С. 6-9.
18. Рысс П.Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции / П. Я. Рысс. – Париж, 1921.
19. Старый А.Н. Национальная революция в России / А. Н. Старый // Борьба за Россию. – 1928. – № 75. – С. 10-15.
20. Таврогин С.Н. Москва в 1927 году / С. Н. Таврогин // Борьба за Россию. – 1927. – № 32. – С. 11-13.
21. Федоров М.М. Втирают очки рабочему классу / М. М. Федоров // Борьба за Россию. – 1926. – № 1. – С. 7-11.
22. Федоров М.М. К вопросу о положении рабочих в СССР / М. М. Федоров // Борьба за Россию. – 1926. – № 5. – С. 4-10.
23. Федоров М.М. Положение рабочего класса в СССР / М. М. Федоров // Борьба за Россию. – 1926. – № 3. – С. 5-9.
24. Федоров М.М. Положение рабочего класса в СССР (продолжение) / М. М. Федоров // Борьба за Россию. – 1926. – № 4. – С. 5-8.
25. Чубинский М.П. Украинский вопрос / М. П. Чубинский // Борьба за Россию. – 1927. – № 21. – С. 3-9.
26. Яблоновский А.А. Великий подлог / А. А. Яблоновский // Борьба за Россию. – 1927. – № 11. – С. 10-11.

Труды руководителей советского государства

1. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений: в 55-ти т. – Т. 24. – Москва, 1973. – С. 115-149.
2. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений: в 55-ти т. – Т. 26. – Москва, 1973. – С. 119-162.

3. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений: в 55-ти т. – Т. 25. – Москва, 1973. – С. 201-245.

4. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения: в 18-ти т. – Т. 2. – Москва, 1946. – С. 290-367.

Периодические издания

5. Борьба за Россию. Общий орган русских патриотов, живущих в России и за её пределами. 1926-1933.

6. Вопросы труда. Орган Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. 1925-1926.

7. Газета Временного рабочего и Крестьянского правительства. Орган временного правительства. 1917-1918.

8. Известия. Орган Верховного Совета СССР. 1926-1931.

9. Красная газета. Орган центрального, губернского, городского комитета ВКП(б) и Петросовета (Ленсовета). 1918-1920.

10. Петроградская правда. Орган городски и областных Советов народных депутатов. 1918-1920.

11. Правда. Центральный орган ВКП(б). 1926-1930.

12. Революционная Россия. Центральный орган партии социалистов-революционеров. 1926-1929.

13. Социалистический вестник. Центральный орган Заграничного бюро ЦК РСДРП (м). 1924-1930.

14. Труд. Орган Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. 1921-1927.

15. Экономическая жизнь. Орган Высшего совета народного хозяйства. 1926-1928.

Исследования

1. Акимова Е.А. Книга русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918-1991: библиог. указатель / Е. А Акимова. – Санкт-Петербург, 1997.
2. Альбус Н.А. Последний из Дон-Кихотов (К 10-летию кончины ВЛ. Бурцева) // Возрождение. – 1952. – № 24. – С. 10-15.
3. Афанасьев А.Н. Полынь в чужих краях. / А. Н. Афанасьев. – Москва, 1987.
4. Бакунина-Осоргина Т.А. Русская эмиграция в Европе: сводный каталог периодических изданий 1855 – 1940 / сост. Т. А. Бакунина-Осоргина, М. И. Раева. – Париж, 1990.
5. Балугев Б. П. Историческая наука русского зарубежья. Споры о судьбе России в эмигрантской публицистике 1920-х годов (противостояние двух центров) // История и историки. – 2003. – №1. – С. 15-26.
6. Баммель Г.Н. Сумерки идеалистической философии // Печать и революция. – 1922. – № 1. – С. 3-7.
7. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921 – 1924) / Г. Ф. Барихновский. – Ленинград, 1978.
8. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – Париж. – 1949.
9. Бондаренко Е.Л. Съезды горнопромышленников Юга России – крупнейшая представительная организация монополистического капитала России // Вестник Московского университета. Серия 8. – Москва. – 2009. – С. 21-38.
10. Бочарова З.С. Русское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории / З. С. Бочарова. – Москва, 2011. – 304 с.
11. Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья 1920 - 1930-х годов // Отечественная история. – 1999. – №1. – С. 10-21.

12. Борисов Ю.С. Российская эмиграция как историческое явление // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. – Москва, 1993. – С. 29-44.
13. Бубнов А.Н. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией / А. Н. Бубнов. – Москва, 1923.
14. Булкина Т.А. XX век. Россия за границей // Отечественная история. – 1996. – № 7. – С. 17-30.
15. Вандалковская М.Г. Задачи изучения эмигрантской исторической науки // Проблемы изучения истории русского зарубежья. – Москва, 1993. – С. 48-71.
16. Венков А.В. В чём же казачий вопрос? // Дон. – 1990. – № 2. – С. 140–149.
17. Верба И.А. В.Л. Бурцев – публицист и революционер // Вопросы истории. – 2010. – № 6. – С. 45-52.
18. Геллер М.С. "Первое предостережение" - удар хлыстом // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 16-23.
19. Главацкий М.Е. «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 году // Новая и новейшая история. – 2002. – № 5. – С. 11-22.
20. Гримстед П.К. Архивная Россия. Советика. К определению типологии русскогоархивного наследия за рубежом / П. К. Гримстед. – Москва. – 1996.
21. Дьячкова М.П. Архивная россия в справочниках Гуверовского архива // Отечественные архивы. – 1999. – № 4. – С. 40-47.
22. Жданова Т.А. Историографическая традиция изучения русского зарубежья // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2009. – №1. – С. 54-62.
23. Кабанников А. Русский звездопад: знай наших! // Иммигранты. – 1997. – № 25. – С. 17-21.
24. Кадесников Н.Э. Краткий очерк русской истории XX века / Н. Э. Кадесников. – Нью- Йорк, 1967.

25. Карпов В.С. В поисках истины: пути и судьбы второй эмиграции: сб. ст. и документов / В. С. Карпов. – Москва, 1993.
26. Квакин А.В. Исход российской интеллигенции: проблемы изучения // Интеллигенция России. Уроки и современность. – Иваново, 1996. – С. 24-40.
27. Квакин А.В. Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы // Культура Российского Зарубежья. – Москва, 1995. – С. 71-89.
28. Киселев А.Ф. Политическая история русской эмиграции: 1920-1940: документы и материалы: учеб. пособие для студентов вузов. / науч. ред., автор предисл. А. Ф. Киселев. – Москва, 1994.
29. Коган Л.А. "Выслать за границу безжалостно" (Об изгнании духовной элиты) / Л. А. Коган. – Москва, 1998. – 215 с.
30. Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом / В. В. Комин. – Калинин, 1977.
31. Копржилова А. Русский заграничный исторический архив. // Международная конференция русской, украинской и белорусской эмиграции. – Прага, 1995. – С. 11-25.
32. Костиков В.Н. "Не будем проклинать изгнание...". Пути и судьбы русской эмиграции / В. Н. Костиков. – Ленинград, 1990.
33. Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь // Вопросы философии. – 1991. – № 11. – С. 21-25.
34. Луппол И.К. Об отношении советских ученых к ученой эмиграции // Научный работник. – 1928. – № 12. – С. 11-15.
35. Макаревич Е.В. Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки. – Москва, 1994.
36. Макаренкова Е.М. К вопросу о феномене русской эмиграции (XIX-XX вв.) // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. – Москва, 1993. – С. 17-39.
37. Мещеряков Н.Л. Наши за границей // Красная новь. – 1921. – № 1. – С. 11-15.

38. Муромцева Л. П. Историко-культурная деятельность эмиграции во Франции в 1920 – 1930 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2012. – № 1. – С. 31-45.
39. Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю. В. Мухачев. – Москва, 1982.
40. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции / М. В. Назаров. – Ставрополь, 1992.
41. Невский В.Н. Нострадамусы XX века // Под знаменем марксизма. – 1922. – № 4. – С. 7-12.
42. Невский В.А. Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией // Под знаменем марксизма. – 1922. – № 7. – С. 4-12.
43. Нольде Б.Э. Заграничная Россия // Последние новости. – 1920. – № 1. – С. 3-8.
44. Павлова Т.Ф. Архивы российской эмиграции // Проблемы изучения истории российского зарубежья. – Москва, 1993. – С. 21-45.
45. Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге. – Вопросы истории. – 1990. – № 11. – С. 23-31.
46. Панарин А.С. Россия в Евразии: вызовы и ответ // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 19-31.
47. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе / В.Т. Пашуто. – Москва, 1992
48. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.) – Ростов-на-Дону, 1997..
49. Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники // Центр по изучению русского зарубежья. – Москва, 2005. – С. 7-22.
50. Пронин А.А. Историография российской эмиграции. / А. А. Пронин. – Екатеринбург, 2000.
51. Раев М.В Россия за рубежом / М. В. Раев. – Москва, 1994.

52. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование / И. В. Сабенникова. – Тверь, 2002.
53. Селунская В.М. Российское зарубежье XX века: изучение и преподавание на историческом факультете МГУ // Проблемы изучения истории российского зарубежья. – Москва, 1993. – С. 11-25.
54. Соколов М.В. Из истории республиканско-демократического крыла русской эмиграции // Новая и новейшая история. – 2008. – №2. – С. 16-24.
55. Соничева Н.Е. На чужом берегу / Н. Е. Соничева. – Москва, 1991.
56. Степун Ф. А. Мысли о России / Ф. А. Степун. – Москва, 2000.
57. Тарле Г.Я. Задачи изучения истории российского зарубежья // Отечественная история. – 1994. – №1. – С. 33-40.
58. Телицын В.Л. «Люди мысли»: изгнание из России (Реконструкция списка высылаемых во второй половине 1922 – начале 1923 года) / В. Л. Телицын. – Санкт-Петербург, 2002. – 215 с.
59. Цуриков Н.А. Патриотическая «детонация» (страница из недавнего прошлого) // Возрождение. – 1950. – № 12. – С. 11-18.
60. Футорянский Л.И. Проблемы казачества: рассказывание // Вестник ОГУ. – 2002. – Вып. 2. – С. 43–53.
61. Чельшев Е.П. Культурное наследие российской эмиграции, 1917-1940: в 2 кн. / под общ. ред. Е. П. Чельшева, Д. М. Шаховского. – Москва, 1994.
62. Чернопицкий П.Г. О судьбах казачества в советское время // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. – Краснодар, 1992. – С. 83–95.
63. Шкваренков Л.К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкваренков. – Москва, 1981.
64. Haimson L.H. The Mensheviks / L. H. Haimson. – Chicago, 1974.
65. Rosenberg W.H. Liberals in the Russian revolution. The Constitutional democratic party, 1917 – 1921 / W. H. Rosenberg. – New Jersey, 1974.
66. Simpson J.H. The refugee Problem. Report of survey by Sir John Hope Simpson / J. H. Simpson. – London, 1939.

67. Volkman H.E. Die russische Emigration in Deutschland, 1919 – 1929 / H. E. Volkman. – Würzburg, 1966.

Авторефераты и диссертации

1. Бычков С.П. Антон Владимирович Карташев – историк русской православной церкви: дисс. канд. ист. наук : 07.00.09 / Бычков Сергей Павлович. – Омск, 1999. – 292 с.
2. Веретенникова Е.В. Новая экономическая политика в социалистической и либеральной периодике Русского Зарубежья двадцатых годов XX века / дисс. канд. ист. наук : 07.00.02 / Елена Вячеславовна Веретенникова. – Ростов-на-Дону, 2005. – 217 с.
3. Емельянов Ю.Н. С. П. Мельгунов в России и эмиграции: дис. докт. ист. наук : 07.00.09 / Емельянов Юрий Николаевич. – Москва, 1998. – 398 с.
4. Лушина К.А. Русская эмиграция в 1920-1940 годы: проблемы международного транзита и организации общественной деятельности в Париже: автореф. дис. канд. ист. наук : 07.00.15 / Лушина Ксения Александровна. – Нижний Новгород, 2009. – 29 с.
5. Ляпорова Е.Н. Образ советского государства в представлениях русской эмиграции в 20 - годы XX века на примере взглядов П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского и И.В. Гессена: дисс. канд. ист. наук : 07.00.02 / Ляпорова Елена Николаевна. – Ростов-на-Дону, 2008. – 200 с.
6. Пименов И.В. Отражение общественно-политической жизни России в печати Русского Зарубежья, 20-30-е гг. XX века: дисс. канд. ист. наук : 07.00.02. – Москва, 2002. – 143 с.
7. Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии: дис. канд. ист. наук : 07.00.09 / Пронин Александр Алексеевич. – Екатеринбург, 2001. – 284 с.
8. Реброва М.А. Национальный вопрос в СССР в освещении меньшевистского журнала «Социалистический вестник», 1921-1965 гг.: дисс.

канд. ист. наук : 07.00.02 / Марина Анатольевна Реброва. – Москва, 2001. – 216 с.

9. Цепилова В.И. Историческая наука Русского зарубежья 1920-1930-х годов в отечественной и зарубежной историографии: дис. докт. ист. наук : 07.00.09 / Цепилова Вера Ивановна. – Екатеринбург, 2010. – 429 с.